

Магдалена Уинклер

Химера

Под властью Отчаяния

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Магдалена Уинклер

Под властью отчаяния. Химера

«Автор»

2024

Уинклер М.

Под властью отчаяния. Химера / М. Уинклер — «Автор», 2024

Жизнь Йоханесса была написана одной-единственной краской — серой. Болезнь, зависимый от него ребёнок, смерть родителей, чужая страна и ворох страхов — всё это спрессовалось в глухое, ежедневное одиночество. Он строил из себя непоколебимого, хотя давно уже был сломан. Игрушка с проржавевшим механизмом, живущая на автопилоте. Ни о каком спасении он и не мечтал — пока однажды в его мир не ворвалась Она. Женщина-фейерверк. Яркая, непокорная, ослепительная. И с этого момента палитра ожила — впервые за долгое время. Йоханесс готов был молиться на неё, как на Богиню, и поверил, что можно жить иначе. Но всё, что было до неё, оказалось лишь разминкой. Настоящий Ад начался с одного взгляда её бирюзовых, ледяных глаз. Эрика Ричардсон — глава мафии, красивая как катастрофа. И любовь к ней — это не спасение, а приговор.

© Уинклер М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Посмотри на себя в зеркало и вспомни о том, кто ты	6
Глава 2. Почему ты ведёшь себя так, словно тебе плевать?	18
Глава 3. Забавно, но ваши глаза я хорошо запомнила	28
Глава 4. Только сердце может увидеть сокровище, заключённое внутри	39
Глава 5. Я и есть беда	49
Глава 6. Потому что теперь твоя жизнь зависит только от меня	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Магдалена Уинклер
Под властью отчаяния. Химера

В посвящении всегда будешь Ты.

Глава 1. Посмотри на себя в зеркало и вспомни о том, кто ты

*Все очаровательные люди испорчены,
в этом-то и есть секрет их привлекательности.*

© Оскар Уайльд

Shemekia Copeland – Married To The Blues

– Миссис Андерсон, вы сегодня сверкаете в прямом и переносном смысле. Правду говорят, что женщине больше всего на свете идут улыбка и драгоценности, – кудрявая блондинка сдержанно улыбнулась на комплимент и благодарно кивнула головой. Большого Гловер Томсон и ожидать не мог. Анджелль Андерсон – одна из самых красивых дам в данном роскошном заведении, которая уже, к большому сожалению, состоит в браке.

– Всё благодаря моему мужу, – приглушённо отозвалась женщина, отведя взгляд в сторону.

Ни для кого секретом не было, что Уоррен Андерсон был старше своей юной и прекрасной жены примерно на сорок лет. Старый развратник другими женщинами и не интересовался. Чем моложе, тем лучше, благо, нажитое состояние позволяло. Многие на миссис Андерсон смотрели искоса: для чего такой юной даме такой пожилой муж? Ответ весьма очевиден, только вот озвучивать его – верх бескультурия. До Анджелль у Уоррена было предостаточно женщин и браков, поговаривали, что он насиловал их, избивал, принуждал и, разумеется, постоянно изменял. Такова была плата за роскошную жизнь с целой гардеробной дорогих нарядов.

Правда, всё от тех же недостоверных источников Гловер слышал, что после женитьбы на своей нынешней жене Уоррен уже двадцать лет как даже не смел смотреть на чужие ножки и груди, бросил пить и стал вполне себе порядочным человеком. Хотя, вероятно, дело в возрасте. В конце концов, сейчас ему уже семьдесят восемь.

– Вы и мистер Уоррен – восхитительная пара, – незаметно скривившись, произнес Гловер. Женщина опять на секунду ослепила его своей обворожительной улыбкой и кивнула головой. Вряд ли эти эмоции можно было назвать настоящими, учитывая то, как часто Анджелль приходилось выслушивать комплименты в свой адрес.

– Я смотрю, вы сегодня прибыли к нам не одни, – мягким голосом произнесла женщина, указывая рукой на мужчину в круглых очках, который с каким-то необъяснимым недоумением в глазах впивался взглядом в поющую на сцене актрису.

Гловер невольно ухмыльнулся, наблюдая за человеком, который первый раз в жизни посетил настоящий бар, где всё также первый раз в жизни попал на выступление прекрасной певицы. Её длинное алое платье, усыпанное блёстками, держалось на объёмном бюсте, оголяя острые плечи, выпирающие ключицы и тонкие осторожные ручки, кисти которых были запряты в чёрные перчатки. Но преимущество такого наряда заключалось в широком разрезе на юбке, демонстрирующим кружевные чулки и восхитительные гладкие ножки. Она изящно поправляла длинные локоны волос, спадающие на обнажённые плечи, и посылала воздушные поцелуи чуть ли не каждому мужчине, находящемуся в небольшом помещении. Идеальные формы, коралловые пухлые губы и мягкие каштановые волосы не могли не притягивать очарованные взгляды людей, которые посвящали всю свою жизнь работе и не всегда могли позволить себе провести время с обворожительной дамой.

Кто бы мог подумать, что маленький деревянный домик с шаткой крышей, который напоминал старые разваливающиеся лачуги моряков на побережье, может оказаться настоящим

раем для души? Внешняя непривлекательность – всего лишь маскировка, которая скрывала в своих закромах настоящую конфетку, где звучали раскаты барабанов, строгий ритм контрабаса, пение кларнета. Но все эти инструменты лишь подыгрывали главной изюминке ансамбля – саксофону, заслуженному королю джаза, который покорила сердца многих модников и консерваторов. Нельзя не сказать про восковые свечи, добавлявшие таинственность в это мероприятие, а также про бархатную мебель и занавес, что являлось жутким контрастом старому скрипучему под уже нетрезвыми телами полу. Далеко не всегда можно было объяснить тягу хозяина данного заведения разбрасываться загадками везде и повсюду, но эта его манера, кажется, только ещё больше заинтересовывала людей.

– Да, миссис Андерсон. Мой кузен приехал в большой город из совсем крохотного местечка в Дании. Так что каждая мелочь для него теперь в новинку, – с ноткой нежности отозвался Гловер, первый раз за весь вечер улыбнувшись по-настоящему.

– Не хотите меня с ним познакомить? Я люблю заводить новые знакомства, даже в какой-то мере нуждаюсь в них, – вежливо попросила Анджелль, с интересом рассматривая гостя в очках с толстыми стёклами. – Кажется, он не сильно впечатлён нашей достопримечательностью, – нахмурила брови женщина, кидая быстрый взгляд на певицу.

– Нет-нет, что вы! Он просто ещё не до конца осознал исключительность того места, в котором оказался, – поспешил оправдать поведение брата Гловер. – Я сейчас же вам представлю моего кузена, миссис Андерсон.

С этими словами мужчина ринулся вперёд, протискиваясь между столиками с сидящими за ними богатыми мужьями, дорогими диванами, покрытыми бархатом, и официантками со спиртными напитками на подносах. По мере приближения к родственнику, лицо Гловера становилось всё более и более хмурым, потому как совсем не хотелось опозориться перед удивительной миссис Андерсон, но нерадивый кузен обожал идти наперекор желаниям других людей. Предприниматель просто не мог упустить из рук такой шанс на сближение с Анджелль.

– Йоханесс, – прошипел Гловер, незаметно ни для кого щипая сидящего за столиком кузена в плечо.

– Да чего тебе надо? – фыркнул тот самый Йоханесс, лениво переводя взгляд на предпринимателя.

– Миссис Андерсон горит желанием познакомиться с тобой, а она, дорогой брат, жена владельца этого прекрасного заведения. Если в твоей пустой голове остались мозги, то ты будешь предельно вежлив, если не хочешь, чтобы тебя скинули с оврага. У их семьи очень влиятельные друзья, и Анджелль – это единственный человек во всём этом маскараде, к которому мы можем подступить, ты не представляешь, как долго я добивался её расположения! – протараторил Гловер, похлопав кузена по спине, создавая иллюзию дружеского разговора.

– Фу, Гловер, разве она не замужем? – с издёвкой отозвался мужчина в очках с толстыми стёклами, довольно улыбувшись.

Гловер чуть приподнял брови, пытаясь понять, что именно хотел тем самым сказать брат, но как только осознание коснулось его разума, в его глазах тут же заколыхало пламя. Он рассерженно ударил кузена в плечо, пытаясь сдержать рвущийся наружу гнев.

– Как ты мог такое сморозить? – прошипел Томсон. – Хотя зачем я спрашиваю? Это весьма в твоём репертуаре, недоумок.

– Отмечать очевидное действительно в моём репертуаре, – усмехнулся Йоханесс. Гловер сжал кулаки. – Но раз ты назвал меня недоумком, то я никуда не пойду, ясно тебе? Я оскорблён до глубины души. Иди и сам очаровывай свою миссис... как её там... – он махнул рукой и снова уставился на поющую на сцене девушку.

– Йенс! Я уже пообещал ей, я не могу сейчас подойти и сказать, что ты, кусок имбецила, отказываешься с ней знакомиться! – настойчиво произнёс Гловер, испуганно косясь в сторону

Анджелль. Лишь бы её внимание не привлёк кто-нибудь иной. Тогда конец. Тогда вновь завести с ней разговор больше не получится.

– Не мои проблемы, – фыркнул кузен в ответ.

Томсон сжал губы в тонкую линию. В груди сердце с ума сходило от паники. Он не может просто взять и прозевать такой шанс. То, что их сегодня пригласили на мероприятие, на котором также присутствуют и очень важные и большие люди, огромное везение. Знал же, что нужно этого придурка было дома оставить! Вот что с людьми делает жалость. Жалость к животным.

– Ладно, послушай, – тихо-тихо произнёс Гловер, мысленно проклиная самого себя за идиотскую идею, пришедшую в голову. Он был готов буквально на всё, лишь бы добиться расположения миссис Андерсон. – Я не хотел этого говорить, потому что... потому что миссис Андерсон меня попросила молчать, но... – Томсон проглотил слюну, – но ты ей понравился. И поэтому она хочет с тобой познакомиться.

У каждого человека есть слабости, и нет ничего дурного в том, чтобы иногда на них надавить. Йоханессу, как и многим мужчинам, нравились красивые женщины, но не нравилось стараться ради их внимания.

– Она же замужем, – с явным сомнением в голосе спустя пару секунд отозвался кузен.

– В этом и дело, – смущённо отозвался Гловер. На самом деле, ему вдруг стало очень стыдно за свою затею, но отступать уже было поздно. – Мужу почти восемьдесят, как думаешь, могут ли их связывать романтические чувства? Прошу, не ставь даму в неловкое положение.

Йоханесс недоверчиво уставился на брата, тщательно размышляя над узнанной информацией.

– Хрен с тобой, – фыркнул кузен, и в глазах Гловера загорелась надежда. – Но это не ради тебя. Придурок.

Томсон стиснул зубы, чтобы не произнести в ответ: «Сам такой».

До Анджелль Гловер со Йоханессом могли бы добираться целую вечность, учитывая пожирающий окружающее пространство взгляд кузена и его постоянные комментарии о дороговизне данного помещения, если бы не настойчивость предпринимателя, который упёрто продолжал тащить родственника вперёд за запястье. Уже в нескольких шагах от необыкновенной женщины Гловер вновь стал излучать уверенность и спокойствие, а его губы искривились в кроткой улыбке.

– Добрый вечер, мистер. Безмерно рада тому, что Вы нашли время на знакомство со мной, – улыбнулась Анджелль.

– Здравсьте, – буркнул себе под нос Йенс, слегка сощурившись, чтобы получше разглядеть свою до неприличия богатую собеседницу.

Гловер целый день до, как он выразился, «светской вечеринки», распространялся на тему сливок общества и их поведения. Конечно, он упоминал и этих треклятых Андерсонов. Глава семьи какой-то важный престарелый депутат, имеет огромное влияние и очень любит хвастаться окружающим своим положением, устраивая званые вечера. Попасть на них, конечно, могут только люди из высшей прослойки общества, поэтому тупоголовый Томсон находился одновременно и в панике, и в диком восторге, что его драгоценный Уоррен пригласил на эту хваленую вечеринку и самого Гловера. Йенс, конечно, был заинтригован, потому что ранее в подобных местах быть ему не приходилось, но вот того самого мистера Андерсона он мог считать лишь обычным развратником и пьяницей. Они, впрочем, все такие, кто забрался высоко.

Но, однако, его молодая жёнушка действительно была миленькой дамочкой, похожей на наштампованных моделек, лица и тела которых украшали обложки различных журналов, только её ещё в добавок обвесили большим количеством разных драгоценностей. Что в этой Анджелль было такого необычного? Такие девушки встречаются на каждом углу, и, помимо симпатичной обложки, во многом достигнутой благодаря макияжу и подходящей одежды, в

них ничего больше и не было. Пустые внутри хорошенькие снаружи куколки, которыми можно лишь любоваться издалека да иногда водить на свидания, чтобы скоротать скучный одинокий вечер. Вряд ли Гловера так бы волновало мнение Анджелль, если бы не её муж и деньги в кошелёчке.

Да, возможно, прямо сейчас перед Йенсом стояла роскошная женщина, которая не боялась напоминать своей власти, о своём величии и, в конце концов, о своём богатстве. Дорогим в ней было все, начиная от чёрных блестящих от чистоты туфель и заканчивая пушистой горжеткой, которая прикрывала шёлковую кожу. Стоило ли вообще говорить о коротком облегающем тело бордовом платье, которое идеально подчёркивало фигуру Анджелль, ее колготах в крупную сетку, вуали, прикрывающей часть лица, позволяющей лишь сквозь завесу тайны посмотреть на словно выточенное из мрамора лицо. Но отчего-то Йоханесса интересовал один вопрос: как долго строила из себя Анджелль неприступную крепость с высокими моральными принципами и жизненными ценностями, пока не отдалась целиком и полностью в руки сморщенного кукловода, упивающегося юными женскими телами, ищущего в них источник вечной жизни и молодости, пока не стала его женой-игрушкой, просто неодушевлённым «милым личиком»?

– Миссис Андерсон, разрешите представить Вам моего кузена, Йоханесса Ольсена. Можно называть его просто Йенс, – кивнул головой Гловер, указав на своего двоюродного брата.

– Нельзя, – оскорблённо буркнул Ольсен.

– Прошу простить Йенса, – извиняющимся тоном пролепетал Томсон, незаметно пихнув брата локтем. – Он никогда ещё не удостоивался чести поговорить с кем-то настолько обворожительным, как вы.

Анджелль засмеялась в ответ слишком уж наигранно, а Йоханесс весьма показательно закатил глаза. Откуда Гловеру знать, что в его жизни не было женщин прекраснее, чем эта разодетая кукла? Уж кто-кто, а Ольсен красавиц на своём веку повидал, и удивить теперь его было крайне сложно.

– Ох, ничего-ничего, я в любом случае крайне рада знакомству, мистер Ольсен, – возможно, Йенса куда больше раздражала потоком бьющая лезть из уст собеседников и эта наигранная вежливость, за которой скрывалась снисходительность высшего слоя к низшему, чем беспричинное восхищение внешностью самой обычной куклы, игрушки богатого старикана.

– Ага, я тоже рад знакомству, – видимо, не слишком радостно отозвался Ольсен, потому что Гловер опять почти незаметно ударил его локтем.

Вообще, где-то, может быть, мужчина и был прав: Йоханесс на самом деле никогда не был в подобных роскошных заведениях, где вино к столу приносят на золотых подносах, где вся мебель была обрамлена чистым бархатом, а столы были сделаны из такого дерева, о котором Йенсу не доводилось слышать нигде и никогда. Дорогие свечи, распространяющие какой-то сладкий аромат по небольшой комнате, погружая ее в таинственный полумрак, певица в вызывающем наряде, которую поставили на сцену далеко не для того, чтобы та исполняла песни, а чтобы старым дуралеям было на что поглазеть. Женщин в данном неприятном местечке было мало, если не считать официанток, но если они и присутствовали, то были разодеты дорого и богато, очевидно ведь, что красавицы находятся на полном обеспечении своих мужей.

– Ох, подождите, – нахмурилась миссис Андерсон, – позвольте мне взглянуть, – женщина подошла к Йоханессу и, несколько не смутившись, стащила с него очки, единственное средство выживания в пятнистом непонятном мире. – Ох, значит, мне не показалось: ваши глаза разного цвета!

Почему Ольсену нельзя было лишнего слова пикнуть в присутствии этой «важной» дамочки, а ей было позволено вести себя подобно ребенку? Ах да, это все присущее человечеству разделение населения на слои, благодаря которому выходило, что одним можно всё, а

другим совсем ничего. Йенса начинало тошнить. Кто и когда придумал такой закон, что богатые люди являются особенными? Ольсен не собирался распространяться о своем превосходстве над этими неумелыми идиотами и безумными грешниками, потому как и сам был далек от «идеала», но почему совершенством нельзя считать гениев и творцов, которые действительно могут приносить пользу обществу, которые создают удивительные творения, которые не осыпают окружающий мир грязью и не восхваляют мусор, в котором живут?

– Да, разного цвета. И что? – грубо отобрав у Анджелль свои очки, прохрипел мужчина.

– Говорят, у таких людей две души. Вы это как-то ощущаете? – заинтересованно пролепетала миссис Андерсон, в то время как Гловер нервно кусал нижнюю губу и сжимал кулаки, прекрасно понимая, что эта сценка ничем хорошим не закончится.

По поводу гетерохромии у людей было достаточно стереотипов, и во время своей школьной жизни Ольсен достаточно нахлебался этого дерьма. Потом, правда, научился ставить на место, иногда при помощи кулаков. Но попробуй что скажи этой размалёванной курице! Не было бы Гловера, и Йенсу было бы плевать. Он бы высказал этой Анджелль всё, что думает о её подобных, закипающий в венах гнев Ольсен пока ещё сдерживал в себе исключительно ради брата.

– Что за бред? – сквозь зубы отозвался Йенс, пытаясь осторожно намекнуть этой клуше, чтобы отвалила с подобными вопросами. Пусть мужа своего достаёт, а Ольсену такие женщины всё-таки совершенно не нравились.

– Миссис Андерсон, кстати... – попытался впихнуть в разговор свои пять копеек Гловер, но Анджелль махнула ручкой, повелевая ему замолчать, не отрывая заинтересованного взгляда от Йоханесса. Вернее, от его глаз.

– А у ваших родителей подобное было? А какого цвета у них глаза? А вы таким родились? – восторженно тараторила миссис Андерсон, снова потянувшись руками к чужим очкам, но Йенс резко отступил назад.

– Миссис Андерсон, разве я приставал к вам с глупыми расспросами? Так а нафига вы-то ко мне лезете? – недовольно обозначил мужчина.

– Право слово, мистер Ольсен, вы такой грубый, – оскорбленно фыркнула Анджелль, сложив руки на груди.

– Ну знаете что! – воскликнул Йенс, эмоционально взмахнув руками.

– Что? – решительно спросила Андерсон.

Гловер ударил себя ладонью по лицу и едва слышно жалобно заскулил. Йоханесс совершенно не умеет вести себя нормально на людях, и Томсону было стыдно настолько, словно это он сам посмел оскорбить прекрасную Анджелль. Сейчас начнётся война. Сейчас наступит конец света. Нет, лучше бы этот конец света действительно наступил, тогда бы эти двое перестали ругаться, тогда бы Гловеру не нужно было бы разбираться с последствиями, вызванными этим инцидентом.

Но, к его превеликому счастью, дверь в заведение резко отворилась, и теперь взгляды всех собравшихся были направлены исключительно туда. Первыми зашли двое высоких мужчин в длинных плащах и чёрных шляпах с широкими полями. Один из них встал возле стенки, а другой придерживал дверь, ожидая, когда следом за ним зайдёт кто-то ещё. Это телохранители? Йоханесс никогда не видел представителей данной профессии, но наверняка среди жителей Детройта есть кто-то настолько важный, что к нему даже представлены телохранители, которые ходят за ним по пятам, готовые в любой момент принять грудью пулю. Может быть, это вообще какой-нибудь мэр?.. Повинуясь своему обострившемуся любопытству, Ольсен тоже уставился на вход, позабыв про спор с Анджелль.

Всё в комнате погрузилось в полное молчание, даже певичка замерла на месте, а музыканты перестали играть.

В здание вошёл высокий светловолосый мужчина. Его локоны были завязаны в куколь, а на голове тоже красовалась шляпа с широкими полями, только бежевая. Вся его одежда была сшита в светлых тонах: тонкое белое пальто с тёплым меховым воротником, широкие брюки и пиджак с пуговицами, застёгивающимися набок. Даже его туфли были кристально белыми.

Но несмотря на бежевые тона в одежде, лицо его казалось неприятным. Нельзя было назвать мужчину уродом, скорее, именно таким девушки обычно и прыгают на шею, но что-то отталкивало от него с самого первого взгляда. Может, дело в дурацкой козлиной бородке? Мужчин с такой растительностью на лице Йенсу было тяжело воспринимать всерьёз. Хотя отталкивали скорее его серые глаза – чуть прикрытые, маленькие, хитрые.

Йоханесс насмешливо фыркнул. И что в этом экспонате нашли окружающие люди, раз так зачарованно пялились в оба глаза? Спустя мгновение, впрочем, мужчина смог ответить на свой вопрос.

Они пялились не на этого клоуна с козлиной бородкой, а на женщину, которая шла с ним об руку.

Маленькая и очень худая, она едва-едва доставала макушкой своему кавалеру до подбородка, и то исключительно благодаря высоким туфлям. На ней было длинное облегающее чёрное платье, которое подчёркивало её прекрасную точёную фигуру. Острые ключицы и шея были обнажены, а плечи покрывала белоснежная пушистая меховая шаль. Её тонкая спина держалась идеально ровно, и, несмотря на маленький рост, женщина казалась очень статной и величественной. Тонкие руки были покрыты длинными чёрными перчатками, поверх которых были одеты сверкающие кольца, включая обручальное на безымянном пальце. На правую руку был одет жемчужный браслет. Как на эти тонкие запястья можно было сыскать браслет?

Женщина была обладательницей тёмных слегка волнистых волос цвета горького шоколада. Пухлые ярко-бордовые губы не могли не привлекать внимание, как и больше бирюзовые глаза. Такие красивые, обрамлённые тёмными длинными ресницами, но холодные – буквально ледяные, они явно хранили какой-то ужасный секрет. Впалые скулы добавляли этому восхитительному лицу немного резкости, но ни в коем случае не уродовали его. Как и нос с горбинкой, небольшой шрам, пересекающий левую бровь и россыпь разнообразных по форме и размеру родинок на бледной коже.

Левой рукой незнакомка опиралась на длинную чёрную трость с заострённым концом, и только сейчас Ольсен заметил, что она немного прихрамывала.

Эта женщина казалась необыкновенной, холодной и недоступной, но превосходной, и Йенс забыл обо всём вокруг, даже не пытаясь оторвать от неё взгляда. Прекрасное лицо выдавало искренне недовольство, она нахмурила густые тёмные брови и что-то очень тихо сказала своему кавалеру.

– Любовь моя, я говорил не надевать высоких каблуков, – сквозь застывшую в зале тишину голос мужчины в светлом костюме донёсся до всех самых тёмных углов. Фраза не звучала как укор, и лицо его выражало нежность и заботу. Йенс почувствовал ком тошноты, застрявший в горле. – Если хочешь, я могу понести тебя на руках.

– Сама дойду, муж мой, благодарю за беспокойство, – что-то в её голосе прозвучало неправильно, но яркая улыбка, застывшая на алых губах, не давала поводов для беспокойства.

Ольсен прикусил губу. Это было глупо и неправильно, но этот незнакомый мужчина с самого первого взгляда начал его раздражать. Казалось, что он совершенно глупо и даже безобразно смотрится рядом со своей прекрасной дамой. Может быть, Ольсен просто завидовал. В свои тридцать пять лет он был бесконечно одинок.

– Эрика! – громко выкрикнула Анджелль, после чего тут же оставила общество двух мужчин и направилась к пришедшей женщине.

Эрика. Какое нежное и восхитительное имя, оно чертовски сильно подходило этой незнакомке. Глядя на эту женщину, Йоханесс больше и не мог выдумать какое-нибудь другое имя, которое больше бы подходило прекрасной Эрике.

– Здравствуй, *chebella*¹, – непроницаемое лицо вдруг озарилось мягкой улыбкой, и Эрика вырвала свою руку из руки своего спутника, чтобы ласково обнять подошедшую подругу. Больше Йоханесс не слышал и слова, потому что чудесную женщину окружила целая толпа людей, а в помещении снова заиграла музыка.

Но образ прихрамывающей дамы не хотел выходить из головы, плотно засев там. Откуда в этом отвратительном месте, полном уродливых старикашек и избалованных куколок, появился такой необычный человек? Хрупкая, маленькая, но буквально ничто в её лице, в её глазах и в её теле не выдавало слабость. Она смотрела так, словно может спалить взглядом, словно знает, что все они вокруг её слуги, словно никто на свете не может заставить её испытывать страх. Это из-за её никчёмного спутника? Нет, Йенс чувствовал, что дело не в нём. Пытаясь сейчас среди толпы людей разглядеть Эрику, Ольсен подмечал, что она предпочитала держаться подальше от того мужчины, как, впрочем, и другие люди. Все они подходили к ней, целовали её маленькие руки, очарованно улыбались и что-то говорили, глядя прямо ей в глаза. Лицо женщины же словно выражало снисхождение. Ей пытались угодить так, словно это она была хозяйкой этого светского вечера.

– Кто это? – вырвалось у Йенса.

– Эрика Виттория Ричардсон, – сквозь зубы проскрипел Гловер. Лицо у него было мрачнее тучи, но при этом всего на одну секунду в чужих глазах проскользнул тщательно скрываемый страх. – Пойдём выпьем.

Йенс поджал губы. В разум врезалась мысль о том, что он был обязан запомнить это имя, заточить в своей памяти этот восхитительный вдохновляющий образ. Женщина, которую он никогда больше не увидит. Женщина, которая никогда ему даже не улыбнётся.

– Анджелль красивая, правда? – буркнул Томсон, обратив внимание на то, куда направлен взгляд кузена.

– Кто? – переспросил Йоханесс, не услышав заданный вопрос, а потом сморщился, когда понял, что именно спросил брат. – На любителя.

– А Эрика? – настороженно спросил Томсон, задержав глаза на лице Ольсена.

– Эм... – Йенс неловко раскашлялся. – Ничего такая.

– Даже думать об этом не смей, – Гловер расплылся в неприятной издевательской улыбке. – Посмотри на себя в зеркало и вспомни о том, кто ты. Такая женщина, как она, даже взглядом тебя одним не одарит. К тому же, мужчина рядом с ней – это Кристиан Эдвардс, её законный муж. Говорят, он очень ревнив. «Ничего такая». Ну ты даёшь. Идиот.

Томсон тихо засмеялся, а Йоханесс поджал губы от обиды. Но сказать ему было нечего, по крайней мере, потому что Гловер был прав. Ольсен в чьих-нибудь глазах, может, и не был полным уродом, но всё его обаяние заключалось в умение заговаривать зубы. По сути же своей, Йоханесс был обычным мужчиной, и совершенно ничего особенного в нём не было. А Эрика... ох, Эрика. Она совсем другая.

Хотя что эта писанная красавица нашла в клоуне с козлиной бородкой – тот ещё вопрос.

– Ты хотел выпить, кажется. Пошли, – мрачно отозвался Ольсен.

Grace – You Don't Own Me

Кажется, Йенсу тоже нужно избавить голову от ненужных мыслей, чему прекрасно может поспособствовать алкоголь. Честно признаться, никогда ранее мужчина не видел таких людей, которые одним своим видом могли оторвать окружающих от их дел любой важности и срочности. В её лице можно было найти и недостатки, и шрамы, и едва заметные морщинки, но она

¹ *Chebella* – красавица; слэнг итальянской мафии

удерживала на себе внимание своей харизмой, своим обаянием. Нет, правда, Ольсен встречал много красивых людей, обожал наблюдать за живыми улыбающимися женщинами, но по сравнению с Эрикой и её таинственной непонятной аурой, за которой могла скрываться и жестокая беспощадная убийца, и ветреная любовница, и благодетельный человек, все они были крохотными песчинками в огромной Вселенной.

Алкоголь в данном местечке был похож на нектар богов, но, помимо вкуса, замечательно в нем было и действие. Йоханесс думал, что уже ни один напиток так быстро не сможет заставить его вытворять неоправданную ерунду, но, по всей видимости, он сильно ошибался. Уже после нескольких стаканов мужчина начал нагло очаровывать певичку, включив мастера обольщения, что совсем не понравилось остальным гостям.

– Детка, спой своим ангельским голоском что-нибудь, от чего кровь в жилах начнёт кипеть, – просипел Ольсен, поглаживая плечи сидящей на коленях певички, больно надавливая на кожу грубыми пальцами. Девушка смущённо и довольно хихикала, прикусывая нижнюю губу.

Нужно было совсем немного поугаваривать, чтобы птичка, запертая в золотой клетке, запела.

– You don't own me,
I'm not just one of your many toys.
You don't own me,
Don't say I can't go with other boys².

Йоханесс откинулся на спинку стула, наслаждаясь сильным голосом джазовой певицы, исполняющей поп песню. Из-за алкоголя картинка становилась ещё слаще, да и сама красавица в блестящем платье превращалась в настоящую принцессу. Но хватило лишь одной мысли, чтобы выпрямиться и начать мечтать о собственной смерти: голос птички совсем не был уникальным, Ольсен слышал много похожих тембров, а вот всего несколько фраз, произнесённых Эрикой, до сих пор терзали уши и опьянённый мозг.

– Всё, спасибо за представление, лапуля, но лимит исчерпан, – прошипел внезапно подошедший к Йенсу кузен, который быстрыми движениями спихнул его со стула и направил в сторону выхода. Да-да, Ольсен не дурак, он прекрасно понимал, с чем это связано: Томсон – сопливый простофиля, который не хочет ссориться с влиятельными людьми, потому что легче встать на колени, чем попытаться отстоять свою точку зрения. – Йенс, иди проветришь, – выплюнул Гловер, выставя кузена на улицу, который своим отвратительным поведением ему порядком надоел. – Нечего было так нажираться, свинья, – бросил напоследок предприниматель.

Ольсен от досады ударил ботинком по камню, думая о том, как несправедлива жизнь, потому что люди, ради которых ты идёшь на уступки и лишения, никогда не ценят твою заботу. Но думать о проблемах насущных Йенсу долго не пришлось, потому что он услышал до боли знакомый голос, который залетел с воздухом в кровь, стал его частью и каким-то живительным эликсиром, опьяняя ещё больше, чем алкоголь. Мужчина, недолго думая, направился к его источнику.

Она стояла, опираясь о стену зданию, закутавшись в свою меховую шаль, и держала в руках длинный мундштук, время от времени поднося его к губам и вдыхая дым. Йенс застыл как вкопанный, не смея оторвать взгляда от сей неописуемо прекрасной картины. Он облизал пересохшие губы и слегка наклонил голову в сторону, боясь даже дышать – вдруг она услышит, вдруг тем самым он её спугнёт? Быть может, Эрику тоже тошнит от всех тех людей в баре, может быть, её тоже конкретно достала лесть и светские беседы ни о чём?

² Строки из популярной американской песни прошлого века; записана певицей Lesley Gore, «You Don't Own Me».

– И долго вы собираетесь разглядывать меня? – раздался недовольный голос, и Ольсен вздрогнул. Он и понятия не имел, что Эрика его давно уже заметила. – Я не экспонат в музее.

– Прошу простить меня, прекрасная мисс, – Йоханесс тут же собрался со всеми своими пьяными мыслями и чуть наклонился в приветственном жесте, мягко улыбаясь женщине. – Не хотел помешать вашему времяпровождению.

– Как жаль, что всё же помешали, – она смирила Йенса недовольным взглядом и раздражённо фыркнула. Ольсен недовольно нахмурился: неужели его приёмы не действовали на Ричардсон? – Ну так что? Вы так и продолжаете стоять и пялиться?

– Вообще-то я тоже собирался покурить, – хмыкнул Ольсен, доставая из кармана пачку сигарет и зажигалку. – Или это запрещено?

– Что вы, как я смею вам что-либо запрещать, – Эрика закатила глаза и стряхнула пепел себе под ноги.

Ольсен слишком уж явно ощущал, что его компания женщине крайне неприятна. Но останавливало ли это его? Возникла ли из-за этого в его голове мысль покурить в другом месте или зайти обратно в здание? Ни в коем случае. Йоханесс собирался вдоволь насладиться шансом, уготовленным судьбой. Когда ещё ему повезёт встретить эту прекрасную даму? Насладиться её обществом, послушать её мягкий нежный голос, такой тонкий и высокий? Разглядеть её чудесное лицо? Он зажёл сигарету и вдохнул дымок, не отрывая взгляда от Эрики.

– О чём вы думаете? – поинтересовался Ольсен, когда в который раз подряд поймал на себе недовольный взгляд Ричардсон.

– О том, что моя подруга сочла вас весьма интересной персоной, – отозвалась Эрика, видимо, имея ввиду Анджелль.

– И что же вы думаете об этом? – Йоханесс довольно улыбнулся.

– Думаю, что она глубоко ошиблась, – криво усмехнулась в ответ Эрика. – Вы крайне надоедливая и неприятная персона.

Конечно, это не могло не задеть самолюбие Ольсена. Он прикусил внутреннюю поверхность щеки, но решил не выдавать своей обиды. Куда уж ему до Эрики? С чего бы этой прекрасной даме считать его, простого рабочего, кем-то интересным и стоящим её драгоценного внимания? Но теперь это уже было дело принципа. Йенс не отстанет.

– И что же ещё сказала вам ваша подруга? – сдержанно спросил Ольсен.

– Что у вас глаза разного цвета, – пожала плечами Эрика. – Столь скучный факт так искренне её поразил.

– Кажется, он поразил её даже слишком сильно. Эта дама совершенно не умеет держать себя в руках, – проворчал Ольсен.

Пьяный мозг, конечно же, совершенно не понимал, что можно говорить, а что – не стоит. Йоханесс лишь растерянно посмотрел на Эрику и столкнулся с ледяными айсбергами, которые тотчас остудили непонятно откуда взявшийся пожар в сердце, и горькой усмешкой, которая, ей богу, не предвещала ничего хорошего.

– Настоятельно рекомендую вам не открывать свой рот в моём присутствии, а лучше вообще никогда, если вы хотите сказать что-нибудь мерзкое и гадкое про мою подругу, – и пускай Эрика старалась придерживаться вежливого тона и не срываться на мужчину, всё равно можно было заметить нотки дикого раздражения, которые тщательно, но почти безрезультатно прятались за завесой внешнего спокойствия.

И тогда Йоханессу стало до жути обидно, потому что, по сути, он не сказал ничего такого страшного и особенного, чтобы Ричардсон объявила Ольсена своим недругом. Почему вообще она так упорно и ревностно защищала свою глупую подружку?

– Почему вам так важно, что говорят о вашей подружке? Что такого особенного в этой пустоголовой куколке? – фыркнул Ольсен, который никогда не умел, несмотря на все молитвы и старания кузена, держать язык за зубами.

Разумеется, мужчина понимал, что прямолинейность в высших кругах – это не то качество, за которое могут начать уважать человека, но хоть кто-то, в конце концов, должен им открыть глаза на правду.

– Мой чудакотый друг, – алые губы Эрики растянулись в злой усмешке, – вы не можете судить о человеке, которого видите первый раз в жизни. Я вам клянусь, что знаю миссис Андерсон гораздо лучше вас, следовательно, сама могу судить о том, «куколка» она или человек.

И пускай, возможно, где-то в глубине души Йоханесс всё так же прекрасно понимал, что женщина права, но почему-то с каждой секундой желание насолить Ричардсон увеличивалось и становилось неуправляемым.

– А мне кажется, что вы просто не замечаете очевидного. Ваша подружка всего лишь пустоголовая куколка, которая пользуется своим положением в обществе и считает, раз она замужем за каким-то богатым хреном, что имеет право доёбываться до простых людей. Они ведь всё равно в ответ ничего сделать не могут – бояться.

Гловер будет в восторге. Потому что Йенсу удалось добиться поставленной перед собой цели. Но сейчас, честно говоря, он не был так уверен, что результатом может гордиться, что окончание этого разговора вдохновляет его на новые удивительные поступки.

Ричардсон схватила за край пушистой шали и сильно сжала кистью ткань, что уже показалось Ольсену достаточно странным в этой ситуации, но через несколько секунд Эрика оторвала руку и пару раз вдохнула и выдохнула, смотря при этом куда-то вдаль, за Йоханесса, но минуты спокойствия продлились недолго. Когда бирюзовые костры взглядом столкнулись с разноцветными глазами Ольсена, губы Эрика искривились в беспощадной улыбке.

– Vaffanculo³, мистер Ольсен. И молитесь о том, чтобы ваш сон после этого дня был спокойным. Чтобы вас, так сказать, никто не тревожил, – слащаво-вежливым тоном уведомила женщина, зловеще прищурившись.

Рот Йоханесса уже открылся, чтобы выпалить очередной омерзительный бред, за который на утро станет очень стыдно, но Ричардсон стащила с себя бархатную перчатку и медленню, опираясь на свою заострённую тросточку, подошла ближе, и мужчина предусмотрительно решил заткнуться, ожидая, что будет дальше. Тонкая рука, украшенная кольцами, резко замахнулась, и Йенс даже не успел среагировать, когда его щёку обожгло внезапной болью. Он схватился за лицо и поправил большие круглые очки, растерянно выпучив глаза на женщину.

– Впредь будьте осторожны, мистер Ольсен, – совершенно спокойно произнесла Эрика, широко улыбаясь и вновь надевая перчатку. – Вам может попасться кто-то менее понимающий. Только из-за вашего многоуважаемого брата я не только не убью вас, но и сохраню всё в строжайшем секрете. Советую не попадаться мне на глаза, мой разноглазый друг.

Надо упомянуть о том, что Эрика была на полголовы ниже Йоханесса (а она ещё и в туфлях!), казалась худенькой и хрупкой, да и вообще, она всего лишь жена какого-то расфуфыренного предпринимателя, чёрт подери. Разве нужно им уметь самообороняться, разве есть необходимость у них в умении драться, если с ними рядом всегда великое множество охраны, которую богачи себе нанимают, чтобы сохранить свое паршивое золотишко? Да и Ричардсон – прямая представительница сливок общества, которые общаются до омерзения вежливо и считают драки аморальным, а заказные убийства ради денег – совершенно нормальным явлением. Кажется, Эрика была права: никто не может судить о человеке, которого видит первый раз в жизни. Симпатичная куколка может оказаться взрослой и мудрой женщиной, а фарфоровая накрашенная леди – дамой со сложным характером.

Эрика хмыкнула и, всё так же прихрамывая, направилась обратно в сторону бара, но Ольсен позволил себе очередную наглость, схватив её за тонкое запястье. Ричардсон обернулась и надменно посмотрела на Йенса, слегка приподняв шрамированную бровь.

³ Vaffanculo – Идите нахуй; слэнг итальянской мафии

– Вы самоубийца?

Щёку всё ещё жгло, особенно из-за тяжёлых металлических колец, эта маленькая рука наверняка оставила на коже красный отпечаток. Но самый яркий след останется на сердце.

– Всего лишь хотел извиниться. Не хотел показать вам грубым.

– Уже показались. Отпустите меня, – недовольно фыркнула Эрика.

Только вот отпускать Ричардсон совершенно не хотелось. Ольсен сжал губы, пытаясь запомнить каждую деталь её удивительного прекрасного лица. Ему было нечего сказать, и очевидно, что самой Эрике Йенс совершенно не нравился. Только Ольсен прекрасно понимал, что никогда не забудет её два ярко-бирюзовых глаза, он никогда не встречал в своей жизни никого подобного. Ричардсон фыркнула и вытащила свою руку из его хватки, после чего спокойным шагом удалилась в бар.

Ольсен шумно втянул воздух и обреченно вздохнул, наблюдая за красивой фигурой, покидающей его.

...

Nirvana – Pennyroyal tea

Прошло 2 года.

На кухне распространился мерзкий, но такой привычный запах сигарет. Это уже вошло в некого рода привычку: каждый вечер, когда Оливер шел спать, а на Йоханесса нападала бессонница и тревожность, помещение превращалось в курительную комнату. Но были в их жизни и особенно страшные ночи, когда заснуть было просто-напросто невозможно.

– Пап, там опять стреляют, – сонным голосом произнес Оливер, растирая уставшие глаза руками.

– Они тебя разбудили? – нахмурил брови Ольсен, потушив сигарету и бросив ее за окно.

Мужчина подошел к сыну, закутавшемуся в одеяло, и крепко обнял его, утешающе поглаживая по спине.

– Когда-нибудь мы переедем отсюда, Олли. Я обещаю тебе, – мягко произнёс Йоханнес, прижимая к себе дрожащего парня.

– Может быть, тебе стоит позвонить дяде Гловеру? Ты не разговариваешь с ним уже полтора года, – робко произнёс Оливер, посмотрев отцу в глаза.

Йоханесс резко оторвал от себя сына, скривившись в лице. Оливер не знал и половины из всего того, что произошло у его отца с его же дядей.

– Вали спать, Оливер. Тебе завтра в школу, – отрезал Ольсен, на что парень тяжело вздохнул.

– Пап, я не могу спать, пока за окном стреляют.

Мужчина фыркнул, но потом посмотрел на уставшее печальное лицо Оливера, осознав, какую чушь только что сказал. Господи, его сын – всё ещё мальчишка, который, разумеется, будет бояться громких выстрелов на улице, потому что их боится и нормальный взрослый человек.

Когда Ольсен решил уехать из Дании в Америку, он не мог ожидать того, что вляпается в дерьмо по самые уши. Конечно, новый дом – это начало новой жизни, но Йоханесс со своим сыном ехал не чёрт знает куда, а в место, в городок, где жил Гловер Томсон, сын сестры матери, кузен Ольсена. Удивительно, но предприниматель даже согласился помочь обустроиться в Детройте, но вот подружиться и сойтись характерами оказалось уже чуть сложнее. Таким образом, в скором времени Гловер оставил родственников самих болтаться в неизвестном для них месте.

Суть в том, что недорогой домик удалось снять только в бедном районе города, где и показались все тёмные стороны красивого с внешней стороны городка Детройта. Почти каждую ночь раздавались выстрелы, кто-то за кем-то гнался, кто-то кого-то убивал, на траве можно было обнаружить шприцы и разбитые бутылки, а иногда и следы крови. Полицию Йоханесс за

полтора года в этом «чудесном» месте видел всего пару раз; поговаривают, что правоохранные органы давно потеряли власть над большей частью Детройта, что слова «спокойствие» и «порядок» давно уже были ему неизвестны, потому что править балом стала мафия.

Ольсен плохо представлял, что из себя представляют люди, состоявшие в криминальных группировках, потому что в Дании, признаться честно, всё было слишком мирно и слишком тихо, но картинка прояснилась, когда он увидел гуляющих по улицам людей с пистолетами. Йоханесса всегда бросало из одной крайности в другую.

– Пойдём в комнату. Я посижу с тобой.

Оливер лёг на кровать, укрывшись почти с головой одеялом, а Йоханесс сел рядом.

– Какие у тебя завтра уроки? – мягко спросил Ольсен.

– Ничего интересного, кроме литературы, – произнес Олли и вздрогнул, когда за окном раздался особенно громкий и устрашающий звук.

– Не обращай внимания. Тебя они не тронут. Расскажи мне лучше что-нибудь, отвлекись от улицы. Какие у тебя одноклассники? Тебя не обижают?

– Нет, пап. И... ничего интересного, – щёки Оливера немного покраснели.

Йоханесс широко улыбнулся, прекрасно понимая, что сын совершенно не умеет скрывать свои эмоции и всегда выдаёт себя целиком и полностью.

– Я не верю, – ухмыльнулся мужчина. – Кажется, кое-что интересное всё-таки есть.

– Молли, – прошептал Оливер. – Она очень милая.

– Расскажешь мне про нее?

– Да, – сильно смутившись, ответил парень. – Она не очень разговорчивая, но постоянно всем улыбается и помогает. У неё огромное доброе сердце. Она маленькая и очень красивая. Она постоянно что-то пишет в своем блокноте. И она мне... она мне сильно нравится.

Ольсен кивнул головой, с улыбкой наблюдая за застенчивым сыном. Эта Молли была бы прекрасной подружкой для Оливера, потому что, кажется, у них много общего. Юный Расмуссен тоже не любил шумные компании, вёл себя тихо, прятался от взглядов прочих людей и был очень застенчивым мальчиком, но зато дружелюбным и мягким, что было достаточно странно, учитывая условия жизни, в которых он рос. Йоханесс невольно вспомнил своё первое увлечение девушкой, но тут же попытался отогнать непрошенные мысли. Нет, о своём прошлом мужчина точно думать не хотел.

– Я рад за тебя, Олли, – вздохнул Ольсен. – Я надеюсь на тебя. Для меня нет ничего важнее твоего счастья.

Парень укрылся с головой одеялом, пряча от глаз отца горящие щёки.

– Хорошо-хорошо, больше не буду тебя тревожить. Спокойной ночи, – произнёс Йоханесс, поднимаясь на ноги.

– Спокойной, – прошептал парень.

Кажется, перестрелка за окном утихала, что несказанно радовало, потому что Оливеру действительно нужно было выспаться перед завтрашним днем. Ольсен выглянул в окошко, где, как ни странно, стояла совершенно спокойная ночь: никаких тебе людей с пистолетами и алкашей. Йоханесс тяжело вздохнул, прекрасно понимая, что жить в тишине и покое, вероятнее всего, у него никогда не получится.

Глава 2. Почему ты ведёшь себя так, словно тебе плевать?

Не радует ни утро, ни трамвая

Звонящий бег.

Живу, не видя дня, позабывая

Число и век.

© Марина Цветаева

Coldplay – Crest of Waves

Йоханесса с детства приучали к серьёзной экономии, тем самым заранее подготавливая его к нелегкой жизни рабочего класса. Особенно сильно касалось это лекарств, цены на которые всегда были заоблачными. Родители часто отпускали шутки, наподобие: «Йенни дышит золотым воздухом», что заставляло ощущать себя «лишним» членом семьи, обузой. Ольсена целиком и полностью заглатывало непреодолимое чувство вины, пускай он и понимал, что не виноват в присутствии этого порока в своей жизни. И в этом плане сейчас не изменилось ровным счётом ничего. Йоханесс всё так же ненавидел себя, когда жидкости в небольшом флакончике становилось всё меньше и меньше с каждым использованием лекарства. Иногда мужчина ловил себя на мысли, что считает ежемесячные траты рассчитывает без учёта необходимых лекарств.

И сейчас всё по новой. В руках находилась маленькая трубочка, благодаря которой осуществлялся «прыск», с прикрученной сверху маленькой стеклянной баночкой, в которой и находилась заветная жидкость. Но на данный момент времени её было до неприличия мало, что и вызывало крайне неприятные чувства. На пожелтевшей бумажке, наклепленной на стекло, было выведено красными буквами название – «Medihaler». По сути, Йоханесс сейчас ходил по лезвию бритвы, оттягивая на потом покупку новой партии лекарства, потому что приступ мог начаться неожиданно-негаданно.

Сегодня с самого утра самочувствие мужчины не предвещало ничего хорошего. Очень хотелось верить в обычную простуду, потому что насморк, першение в горле, кашель и слезоточивость вполне могли являться её признаками. Только вот Йенс уже давно жил по принципу: «Надейся на лучшее и готовься к худшему».

Однако Ольсен не имел права выглядеть хмурым и грустным при своем сыне, потому что не стоит втягивать других людей в свои проблемы, особенно если это чувствительный долговязый юноша.

– Доброе утро, пап, – улыбнулся Оливер, сонно зевая.

Йоханесс кивнул головой, нехотя сползая с подоконника, на котором успел удобно расположиться. Однако некогда считать ворон, совсем скоро сыну придётся отправиться в школу, а его отцу, соответственно, на работу. Олли терпеть не мог вставать в такую рань, предпочитая на выходных и каникулах спать до обеда. Парень выглядел крайне забавно с самым настоящим вороньим гнездом на голове, наполовину закрытыми глазами и в помятой школьной рубашке, которую ещё и застегнул неправильно. В такие моменты в голове невольно вспыхивали воспоминания об одном неприятном человеке, на которого внешне был жутко похож сын.

– Олли, сколько тебе лет, блядь? Шесть или шестнадцать? Ты вообще в зеркало свою морду видел? – проворчал Йоханесс, переводя взгляд на стену, где висели часы. – А на часы ты смотрел вообще? Мы опаздываем, пошевеливайся!

И тогда в небольшом домике в не самом благополучном районе Детройта воцарился полный беспорядок вместе со своей верной подругой суматохой. Перепуганный Оливер носился из стороны в сторону, пытаясь собрать свои вещи и не запутаться в длинных ногах, пока сам Йенс громко ругался и выуживал из кошелька последнюю мелочь на троллейбус.

Но к счастью, все невзгоды обошли неполноценную семейку стороной, поэтому они не только собрались в школу и на работу, но и успели на троллейбус. Йоханесс приходил на работу ни свет, ни заря, потому как занятия сына начинались гораздо раньше, чем первый сеанс в кинотеатре. Возможно, это было не совсем удобно, но вы только посмотрите на Оливера! Прямо сейчас этот паренёк далеко не низкого роста, но тощего телосложения с испугом разглядывал остальных людей, находившихся в троллейбусе, неловко заламывая руки и кусая бледную губу. Ольсен просто-напросто не понимал, откуда в сыне столько робости и страха перед окружающим миром. Иногда его тревожность доходила до какого-то ненормального состояния. И, право слово, Йенс пытался бороться с этим, но Олли как родился запуганным мальчиком, так, видимо, и останется таким до конца жизни. Что уж говорить о ночных перестрелках, из-за которых на утро юный мистер Расмуссен однажды отказался выходить на улицу? Йоханесс старался быть хорошим отцом, пытался заботиться о своем сыне, помогал ему справляться с мешающими дышать полной грудью страхами, но, кажется, одной поддержки родственника было недостаточно. Но Ольсен никогда не удивлялся тому, что Оливер вырос немного... странным.

– Сын, твоя остановка, – произнёс Йоханесс, легонько ударив Расмуссена по плечу. – Пользуйся своей головой. Она дана тебе для того, чтобы думать. Не забывай.

Оливер лишь робко кивнул головой и вылез из транспорта, напоследок помахав отцу рукой. Возможно, Ольсен – не самый лучший папаша, наоборот, в рейтинге родителей он был бы где-нибудь на последних местах, но он старался быть чуть-чуть лучше, чем его собственная семья. Детские воспоминания для Йоханесса всегда были самыми тяжёлыми и неприятными, потому что никакого понимания в отношениях с родителями не было, так как женщина и мужчина, решившие взять опеку над ребенком, совершенно наплевательски относились к тому, что даже у маленького мальчика могут быть свои чувства.

А Оливер был похож на самого настоящего гадкого утёнка, который в дальнейшем мог бы стать прекрасным лебедем, если бы его отец хоть что-нибудь понимал в воспитании детей, если бы семья обладала достаточным количеством денежных средств, которые можно было бы потратить на образование и нормальную жизнь в спокойном районе. Йоханесс сам, если честно, боялся выпускать сына на улицу без своего надзора. Возможно, это неправильно, но, кажется, это совершенно нормальное желание для человека, который по ночам не может уснуть от выстрелов, раздающихся за окном.

Наконец, троллейбус подъехал к небольшому зданию, на стенах которого висели яркие нарисованные плакаты фильмов, которые показывали в кинотеатре. Ольсен вылез из транспорта и нахмурился, уже заранее ощущая неприятный запах пыли старых пленок с записанными картинками на них. Не то чтобы Ольсен не любил свою работу, просто трудиться длительное количество часов, чтобы богатые счастливые люди могли наслаждаться фильмами и целоваться на задних рядах, причём всё это практически за копейки, было как-то неперспективно. Да и улыбочки на лицах подружек толстых кошельков всегда до жути выводили Йенса из себя. Возможно, человеку достаточно обладать деньгами, чтобы стать врагом для Йоханесса.

Этот день был максимально тревожным и неприятным. Мало того, что один новый фильм (к слову, весьма скудного содержания) набрал несколько полных залов, так ещё и постоянные навязчивые мысли упорно отказывались покидать голову Ольсена. Под конец рабочего дня мужчина чувствовал себя очень вымотанным и уставшим.

Arctic Monkeys – Dangerous Animals

– Мистер Ольсен, мне показалось, или вы действительно какой-то таинственно-печальный сегодня? – раздался звонкий знакомый голосок.

Йоханесс поднял глаза и невольно расплылся в тёплой улыбке, заметив перед собой девушку в ярком нарядном платье, которая, слегка нахмурившись и уперев руки в боки, наигранно сердитым взглядом смотрела прямо на мужчину.

– Фрида, почему ты не сказала, что зайдёшь?

– Потому что твоя развалюха-телефон опять полетела, кажется, – недовольно фыркнула Эльфрида.

Йоханесс закатил глаза, потому что в этом чёртовом доме ничего не работало должным образом, постоянно ломалось, словно становясь жертвой какой-то неопознанной сверхъестественной силы. В любом случае, это не важно, потому что свою подругу Йенс был рад видеть всегда, даже когда она приходила без предупреждения.

Ольсен быстро покончил с последними делами на сегодняшний день и вывел Эльфриду из кинотеатра, от нахождения в котором уже начинало подташнивать. Разумеется, работа не помогла Йоханессу справиться со своим утренним недомоганием, наоборот усилив все симптомы. Но, серьёзно, разве в такую нестабильную погоду на человека не может напасть небольшая простуда?

На улице уже давно потемнело, отчего Детройт стал настоящим раем для любого романтика. Вечером на главных улицах загорались огни, освещавшие путь, но сам город оставался окутанным в приятные потёмки. Хотелось плыть сквозь сумерки, наслаждаясь ледяным воздухом, вдыхать такой нужный после испарений разогретой пленки кислород и радоваться жизни, окунаясь в атмосферу тайны. Но странное наваждение быстро проходило, когда в голове возникали сплетни, обсуждаемые в магазинах, о новых убийствах, о которых редко когда сообщалось в газетах и по радио.

Эльфрида переминалась с ноги на ногу, словно очень нервничала перед каким-то очень важным разговором, но держала язык за зубами, размышляя о том, стоит ли вообще поднимать опасную тему. Наконец, девушка решилась. Она глубоко вдохнула и быстро выпалила:

– Мне звонил Гловер.

Йоханесс поправил чуть свалившиеся с носа очки, выпучив два своих разноцветных глаза на Пауэлл, которая опустила голову вниз и с интересом разглядывала свои туфельки с острым кончиком.

– Блядь! – чересчур эмоционально и громко произнёс Ольсен, разворачиваясь в противоположную от Фриды сторону, чтобы сделать несколько небольших шагов, которые должны были потушить разгорающийся гнев. – И что? – требовательно произнёс мужчина, вновь оказавшись возле девушки, когда убедился, что готов выслушать подругу дальше.

– Я знаю, что вы в ссоре, Йенс, но он не говорил ничего плохого. Гловер хороший человек, он переживает о тебе, ему не всё равно на меня. Я бы... я бы хотела встретиться с ним.

– Что он тебе напиздел? – презрительным тоном спросил Ольсен, быстро приблизившись к подруге и больно схватив её за руку. Эльфрида ойкнула, но ничего не сказала по этому поводу.

– Он спрашивал о тебе. И позвал в ресторан.

Девушка жалостливым взглядом посмотрела на Йоханесса, который, в свою очередь, с ужасом разглядывал милое личико подруги, которым, разумеется, не мог не заинтересоваться предприниматель. Только вот разве есть в этом что-нибудь хорошее? Но Пауэлл, кажется, всё ещё не могла оставить в прошлом свои глупые детские мечты, а Ольсен, в свой черёд, не мог запереть девушку в клетке.

– Будь осторожной, наступая на те же самые грабли, – вздохнул Йенс, отпуская руку подруги, и сделал несколько шагов назад.

Пауэлл неловко кивнула головой, прекрасно понимая, что теперь Ольсен очень долгое время будет держать тайную обиду на подругу. Но разве Эльфрида пришла для того, чтобы уйти ни с чем, расстаться на печальной ноте? Нужно было срочно перевести тему, проявить свою любовь к Йоханессу, чтобы тот, не дай бог, не начал ревновать или злиться.

– Ты опять обжёгся? – обеспокоенно спросила девушка, схватив мужчину за руку и подняв кисть, чтобы получше разглядеть кожу.

Да, на большом пальце действительно красовался свежий ожог. Определённо ушибы и травмы – это не самая любимая составляющая работы киномеханика для Йоханесса.

– Это всего лишь ожог. Я не подохну, – резко отдёргнул руку Ольсен.

– От ожога, может быть, и не умрешь, но смерть твоя точно уж настанет именно от этой дурацкой работы, – прошипела Эльфрида. – Ты не киномеханик. И мы оба это знаем.

– Да ладно! Может быть, у тебя есть вариант получше? Может быть, тебе известны места, куда могут без каких-либо проблем принять меня? Ты прекрасно знаешь, как долго мне пришлось бороться ради этого места, – озлобленным тоном отозвался мужчина.

Они затрагивали эту тему вновь и вновь, без конца продолжая отстаивать свои точки зрения, постоянно ругаясь друг с другом. Конечно, Йоханесс знал, что девушка банально беспокоилась, потому что мужчина и его сын давно стали для неё чем-то наподобие семьи, но, в конце концов, Ольсен – не маленький мальчишка, за каждым шагом которого нужно внимательно следить. Он вполне себе сам мог разобраться с трудностями.

– Я понимаю, однако, признайся себе сам, ты не любишь эту должность! Ночные сеансы и испорченное здоровье не стоят того, что ты получаешь взамен. Я уже молчу про плёнки, за восстановление которых ты расплачиваешься из собственного кошелька. Ты не киномеханик. Ты художник!

Йоханесс прикусил нижнюю губу и отвернулся. Спорить совершенно не хотелось, потому что обычно такие небольшие ссоры заканчивались довольно-таки длительными обидами друг на друга.

– Это всё, что ты можешь? – прошептала Эльфрида. – Отвернуться? Уйти от темы? Почему, Йенс? Почему ты ведёшь себя так, словно тебе плевать? Ты ведь не такой, правильно? Ты пытаешься что-то сделать, что-то предпринять, ты заботаешься о будущем своего сына, ты не хочешь, чтобы я волновалась о тебе. Йоханесс?

– Лучше считай меня ёбаным эгоистом, – резко ответил мужчина, больше не имея при себе никакого желания продолжать этот разговор. – Ты знаешь, что от твоих слов не будет ровным счетом никуя, но всё равно раз за разом поднимаешь эту тему.

– Ну прости, что мне не всё равно. Я пойду, не буду заставлять тебя слушать мои неинтересные тебе речи, – обиженно фыркнула девушка, разворачиваясь на маленьких каблучках, желая поскорее уйти от друга и успокоиться. Ей действительно нужно научиться не волноваться о других людях.

Ольсен, нахмутив брови, сосредоточенно рассматривал удаляющуюся фигуру. На самом деле ему было известно, что Эльфрида – относительно спокойный человек, которого непросто вывести из себя, но разговоры с Йенсом подчас и в ней вскрывали злость. Иногда она напоминала жену, питающуюся мозгами своего мужа, но мужчина всё ещё помнил, что Фрида просто волнуется, просто переживает. Это совершенно нормально, но Йоханесс терпеть не мог контроль и, следовательно, всегда с корнем уничтожал попытку любого человека брать верх над собой.

Эльфрида подошла к пешеходному переходу, но резко остановилась, по инерции шагнув назад, когда увидела стремительно приближающуюся дорогую машину. В последнее время транспорт был крайне распространен среди богатых людей, которых в Детройте с каждым днём, казалось, становилось всё больше и больше. Некоторые марки становились доступными и для среднего класса, что также влияло на увеличение числа автомобилей на дорогах. Однако не

бывает хорошего без плохого. Аварий также было немало, так как иногда за руль садились не совсем адекватные люди. Мимо как раз промчалась машина, петляя по дороге из стороны в сторону, откуда доносилось громкое пение нетрезвых людей. Автомобиль почти задел пешеходную дорожку, выпустив из выхлопной трубы чёрный неприятный дым прямо на находящихся там людей, и умчался куда-то вперёд, заставляя других водителей съезжать в сторону, чтобы не нажить проблем на свою голову.

Йенс отшатнулся назад и несколько раз чихнул, в это же время пытаясь отмахнуться от выхлопных газов автомобиля. В горле предательски запершило, словно по небу и гортани водили мягким пёрышком, а в глаза будто бы влили целое ведро воды, потому что слёзы беспричинно продолжали течь по щекам. Мужчина разразился громким кашлем, периодически отвлекаясь на чиханье. Хотелось расцарапать кожу шеи и достать пальцами до зудящих участков тела, не дававших покоя. Когда воздуха стало катастрофически не хватать, чьи-то тонкие пальцы растегнули верхние пуговицы рубашки, ослабили галстук и вырвали из рук сумку. У Йоханесса уже давно не случалось настоящих приступов, поэтому он уже и забыл ощущения полной беспомощности, потерянности, словно ожидания смерти перед казнью на виселице. Как бы ты не готовил себя к этим мучительным минутам, приступ всё равно начнётся неожиданно, а костлявая лапа резко схватит за горло, не давая возможности освободиться от тягостных оков и принять лекарство.

Легче стало только тогда, когда в рот попала целебная жидкость. Ольсен сидел на земле с сильно дрожащими руками и вырывающимся из груди сердцем, пытаясь сквозь слёзы в глазах увидеть хоть что-нибудь. Наконец, мужчина разглядел силуэт Эльфриды, машущей руками и что-то отчаянно вопящей.

– Йоханесс! Господи, Йоханесс! – надрывалась девушка, что почему-то очень сильно развеселило Ольсена, который начал тихонько посмеиваться. – Я так тебя ненавижу, Ольсен, ты и представить себе не можешь! – отмахнулась Фрида, поворачиваясь лицом к прохожим, столпившимся возле астматика и его спасительницы. – Всё в порядке, правда. Можете идти дальше, – робко произнесла девушка, после чего толпа действительно начала расходиться.

Asking Alexandria – Gone

Йоханесс поднялся на ноги, не без помощи подруги, конечно, улыбаясь во весь рот, как полный дурак.

– Я очень испугалась и вприснула в тебя всё лекарство, – проямлила Эльфрида, пихая в руки мужчине пустую баночку. – Я надеюсь, у тебя ещё есть?

– Конечно, не волнуйся, – соврал Йоханесс, засунув лекарство обратно в сумку. – Спасибо.

Пауэлл лишь кивнула головой, не сводя взгляда с мужчины.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, просто в горле немножко першит и голова болит. Это пройдёт. Всё будет заебись, – ухмыльнулся Йенс, на что девушка тоже расцвела.

Вряд ли Фрида знала хотя бы немного из того, что было известно самому Ольсену про свой порок, это существенно упрощало дело.

– Я думаю, мне нужно домой, – больше вопросительно, чем утвердительно произнёс мужчина.

– Да-да, конечно. Мне проводить тебя? Вдруг там что... – неуверенно прошептала подруга.

– Всё нормально, я дойду. Приступ не может случиться два раза подряд

– Ладно. Я найду завтра, ты не против? Ну, чтобы убедиться, что с тобой всё хорошо, – прикусила губу девушка.

– Конечно, Фрида, – кивнул головой Йенс. – Пока.

– До завтра, – тихо ответила Пауэлл, которая ещё долго наблюдала за уходящим другом, словно пытаясь убедить себя саму в том, что с ним больше не случится подобных приступов, пока он идёт домой.

...

К большому несчастью, дискомфорт в горле не проходил, что, безусловно, не могло не предвещать ничего хорошего. К огромному сожалению, зайти по дороге домой в аптеку Йоханесс также не мог, потому что до зарплаты, с которой можно купить лекарство, нужно было ещё дожить. Существовали в жизни куда более важные вещи, на которые можно было бы потратить оставшиеся деньги.

Весь вечер Ольсен пытался бороться с разрывающим лёгкие кашлем, но тот почему-то не собирался сдаваться, нацелился на победу. Мужчина набрал побольше воздуха в лёгкие и направился в магазин, где купил продукты, а так же несколько тетрадей для сына, которые у него стремительно заканчивались в связи с огромным числом письменных заданий. Но это всё по мелочам, это всё на главные нужды. «Medihaler» стоит дороже.

– Пап, телефон не работает, – проскулил Оливер, как только отец вошёл в дом.

– Да, я уже знаю, – фыркнул мужчина, тем самым заставив Расмуссена очень удивиться. – Фрида пыталась дозвониться до нас с тобой. Иди делай уроки, я со всем разберусь.

Парень кивнул головой и тут же убежал в свою комнату, оставив Йоханесса в полном одиночестве, чего, в принципе, второй и добивался. Он не хотел, чтобы сын заподозрил что-то неладное, потому что Йенс не нуждался в жалости и поддержке, он вполне мог справиться со всем сам.

Итак, телефон. Разбираться с тем, отчего устройство не работает в этот раз, пришлось весьма долго. За это время мужчина успел оббегать весь дом, прослеживая провода и их целостность, в то же время пытаясь справиться и с жутким кашлем, который только усилился (возможно, по той причине, что кое-кто надыхался пылью). Наконец, когда причина была найдена, Йенсу пришлось приступить к починке, что оказалось чуточку (ну вот совсем чуть-чуть) труднее, чем первое его занятие. Оливер несколько раз предлагал свою помощь, но, кажется, Ольсен уже не раз заявлял, что не нуждается ни в чём от других.

На самом деле, это не совсем понятное желание делать всё в одиночку можно было очень просто объяснить: с детства родители твердили о том, что помощи от людей ждать нечего, нужно уметь делать всё самому, потому что полагаться на остальных бессмысленно и даже глупо в каком-то роде. Да и Йоханесс безрукий разве? Сам справится, тем более что благодаря занятости родителей в сфере физики мужчина немало знал о строении разных устройств. Отец и мать слишком сильно хотели, чтобы сын пошел по их стопам, навязывая свое мнение на счет профессии Йоханесса. И разве нельзя сказать, что они добились своего?

Вскоре головная боль начала разъедать мозг, а кашель – лёгкие. Но мужчина продолжал верить в чудо. Он достал лекарство из сумки и, посмотрев на стекающие по стенкам полупрозрачного стёклышка капельки, прыснул, почувствовав едва заметный вкус «Medihaler» на языке. Разумеется, эти ничтожные остатки нисколько не поспособствовали улучшению самочувствия.

Йоханесс запустил пальцы в отросшие грязные волосы, закрывая уставшие глаза. Возможно, он давно уже не бывал в таких безвыходных ситуациях. А с другой стороны, мужчина сам во всём виноват. Нужно было подумать о будущем и начать откладывать зарплату, но Ольсен же потратил всё на подарок своему сыну. Мужчина был настолько увлечён попытками казаться хорошим отцом, что забыл о том, что главная задача по-настоящему хорошего родителя – быть со своим ребёнком всегда.

Йенс – плохой человек и отвратительный папаша, он прекрасно это понимал. Все его попытки стать лучше заканчивались крупным провалом, притом Ольсен в упор не понимал, какого же качества ему не хватало, чтобы добиться поставленного перед собой результата.

Больше всего сейчас, наверное, мужчину раздражало расслоение населения и открытая медицина для богатых людей, но закрытая на семь замков для бедных. Это было нечестно.

Йоханесс помнил, как в детстве его пару раз сводили к мозгоправу, дабы тот вылечил эту дурацкую бронхиальную астму, которую тогда иногда называли психическим расстройством. Врач, разумеется, ничего не вылечил, а Ольсену повезло, что тогда болезнь только развивалась и находилась ещё на совсем ранних этапах. Недавно мужчина познакомился с лекарством, благодаря которому появилась возможность на выздоровление. Только вот этот модный флакончик стоил очень и очень дорого.

Вечер прошёл спокойно, если не принимать во внимание жжение в горле. Самая весёлая часть этой прекрасной оперетты началась ночью, часа в два. Приступ обрушился громом среди ясного неба, а Йоханесс внезапно вспомнил вероучение святого Лютера и начал молиться Иисусу Христу.

Наверное, той ночью Ольсен решил, что умер и отправился прямиком в ад.

...

Three Days Grace – Over and Over

Йоханесс проснулся из-за громкого шороха, который, честно говоря, жутко напрягал. Вставать совсем не хотелось, но мужчина уже проснулся, так что делать было нечего. Ольсен приоткрыл глаза и тут же захлопнул их, столкнувшись с ярким солнечным светом. Сколько сейчас времени? Почему так ярко? Подождите... Йоханесс проспал?!

Мужчина резко сел в кровати, потирая сонные глаза, пытаясь спихнуть с себя руки Морфея, сладко обнимающие его. Сколько он отвоёвывал место киномеханика, сколько боролся за эту работу? Слишком долго, разумеется, чтобы так просто и глупо потерять всё, к чему он так стремился после переезда в Детройт.

– Мистер Ольсен, лягте обратно, – произнес нежный женский голосок.

Йоханесс резко полностью открыл глаза и повернул голову на источник чудесных звуков. Возле мужчины стояла медсестра в белом халатике, которая осторожно поправляла провода, протянутые к ингаляционной маске, надетой на Ольсена, которую он только сейчас, к слову, заметил.

Так, хорошо. Йенс в больнице. Только вот почему здесь такие комфортные условия, почему здесь так светло? А где остальные пациенты? Хотя, кажется, эта палата вообще одностая. Таким образом, возникал следующий вопрос: какого чёрта в этом месте делает Ольсен?! Мужчина смутно помнил, как ночью на него обрушился приступ, а дальше всё было, словно в тумане. Это пугало, на самом деле.

– Куколка, скажи, какого хуя я тут забыл? – охрипшим от сна голосом произнёс Йоханесс, тем самым жутко оскорбив девушку, которая явно не была рада слышать такого рода словечки.

– Мистер Ольсен, попрошу вас не ругаться в больнице, – недовольно пропищала маленькая медсестра. – Ваш брат привёз вас сюда в довольно-таки тяжёлом состоянии. Вы пытаетесь хоть как-нибудь бороться с астмой? Это заболевание может привести к летальному исходу, если вы ничего не предпримите!

– Не еби мне мозги хотя бы ты, – отрезал Ольсен, проводя руками по лицу. – Где этот еблан?

– Мистер, я вас попросила! – яростно вскрикнула.

– Где он?

– Я не понимаю, о ком вы, – строго отозвалась девушка, явно не желая отвечать на такие грубые вопросы.

Йоханесс прошипел что-то невнятное себе под нос, еле сдерживаясь, чтобы не сорвать с себя маску и не выпрыгнуть в окно, чтобы хотя бы на секундочку почувствовать себя свободной от постоянного преследования братом птиц.

– Хорошо, детка, как скажешь, – фыркнул мужчина. – Где мистер Томсон? Так лучше?

– Вот видите, не так уж это и сложно, – победно улыбнулась медсестра. – Сейчас я позову мистера Томсона к вам.

Сказав эти слова, девчоночка улетела из палаты, совершенно не учитывая того, что сам Йоханесс совсем не хотел видеть своего кузена (только если ради того, чтобы разбить его череп топором).

– Пиздец, – прошептал мужчина.

Но, к большому сожалению, через всего лишь несколько минут, за которые Йенс даже не смог снять с себя ингаляционную маску, вошёл бледный, словно сама смерть, хотя лучше бы это была она, Гловер. Кузен робко улыбнулся и кивнул медсестре, которая тут же удалилась из палаты и закрыла за собой дверь. Сам же предприниматель присел на краешек кровати, на которой лежал Ольсен.

– Йенс, ты же знаешь, что астма – это не шутки, – начал Томсон, на что Йоханесс демонстративно закатил глаза. – Я всегда готов помочь тебе, чтобы обеспечить тебя лекарством, несмотря на нашу глупую ссору.

– Забавно слышать это от человека, который из-за какой-то «глупой ссоры» выставил меня и моего сына на улицу, – хмыкнул Ольсен, наконец стащив с себя маску.

Гловер тяжело вздохнул и покачал головой.

– Послушай меня, Йенс. Я был зол, я вспылил, но ты же прекрасно понимаешь, что твоя вина в произошедшем тоже присутствует.

– Нет, иди нахуй.

И это уже начинало раздражать Томсона, потому что, в конце концов, он к брату со всей душой, он спас его от лап смерти, он предложил помощь, но в ответ, впрочем, как и обычно, получил это изрядно надоевшее просторечное словосочетание, которое почему-то так нравилось кузену.

– Ты мой брат, понимаешь? Хочешь ты того или нет. И поэтому мне не всё равно на твою жизнь, которую ты тратишь впустую. Я хочу тебе помочь, понимаешь? Астма стремительно развивается, лекарство новое, оно не обладает чудодейственными свойствами и не поможет тебе, даже если ты будешь его использовать длительный период времени.

– А что мне ещё остается, Гловер? – вздохнул Йоханесс, впервые за всё это время став серьёзным взрослым человеком. – Ты знаешь, что это мой порок, мое блядское проклятие.

– Не говори так. Не говори так хотя бы потому, что у меня появилась одна идея.

Томсон оглянулся вокруг, поднялся на ноги, проверил, закрыта ли дверь, прикрыл занавески от раздражающего солнечного света и вновь вернулся на свое место. Всем своим поведением мужчина выдавал беспокойство и даже какого-то рода панику. Он словно бы скрывал какой-то секрет, которым прямо сейчас собирался поделиться, что могло разрушить и спасти далеко не одну жизнь.

– Ты словно собрался посвятить меня в какую-то свою страшную тайну, – рассмеялся Йоханесс, попытавшись скрыть тревогу в своем голосе.

– Йенс, отнесись к этому серьезно, – тихо отозвался Гловер. – Помнишь, я водил тебя в бар, где ты флиртовал с певичкой в красном платье? А еще я познакомил тебя с некоторыми весьма уважаемыми в этом городе людьми.

Ольсен тут же напрягся, когда воспоминания о прошлом заполнили разум. Перед глазами невольно появился образ прихрамывающей женщины в дорогом платье.

– Да, я помню, как ты перед Анджеллой (или как там её?) на задних лапках танцевал, – ухмыльнулся Йоханесс, не желая показаться брату слишком сосредоточенным из-за упоминания той странной вечеринки.

– Прекрати, – вздохнул Томсон. – А помнишь ли ты Эрику Ричардсон?

Йенс нервно втянул ноздрями насквозь пропитанный запахом лекарств больничный воздух, не отрывая взгляда от кузена. Ольсен хотел соврать, что не помнил эту женщину, что

ледяная бирюза не вцепилась в воспалённые мозги деревянной прищепкой, но губы не смогли произнести ни слова.

– Говорят, она может достать более мощное лекарство, – Гловер, казалось бы, не заметил сложное выражение лица, застывшее на лице кузена, и продолжил говорить, как ни в чём не бывало. – Оно, конечно, обойдётся дороже, но говорят, что всё, что покупается у «Нации розы», очень действенно и спасает жизнь человека если не моментально, то через несколько дней.

– Погоди, что? «Нация розы»? Это название секты что ли? Что за хуйня, – фыркнул Ольсен, постепенно приходя в себя. В конце концов, психическая болезнь Гловера была важнее имени чужой женщины – а вот братцу точно нужна была помощь, совсем на своей работе, видимо, крышей поехал.

– Нет. Йенс. Это не секта. Хуже, – на полном серьёзе произнёс Томсон.

– Что может быть хуже?

– Это название преступной группировки.

Йоханесс широко открыл глаза, с непониманием разглядывая брата. Ольсен прекрасно помнил, как искренне удивился тому, что среди предпринимателей затерялся такой красивый человек, на эту недостижимую женщину смотрели с немым обожанием и скромным повиновением. Никто не смел похабно разглядывать её, как певичку, танцующую на сцене. На лицах было лишь уважение и совсем немного страха. Тогда Ольсен решил, что дело в Кристиане – всё же предприниматели часто бывают с придурью, а горстка монет может исполнить любое их желание, даже если это будет заказное убийство из ревности.

Но Ольсен и подумать не мог, что сама эта женщина может быть... связана с преступным миром. Йоханесс ничего не мыслил в устройстве мафии, но разве представительниц прекрасного пола посвящают в гангстеры? Разве этот прекрасный цветок с точеной фигуркой и нежной шеей мог быть гангстером? От таких познаний по спине пробежал холодок, да и в целом стало как-то прохладно. Убивала ли эта красивая аккуратная женщина людей? Что она думала о насилии? Видела ли кровь, текла ли кровь с её крошечных прекрасных пальчиков?

Ольсен не верил Гловеру. Эрика показалось Йенсу необычной, но представить её с пистолетом в руках было до невозможности тяжело. Нет, этого не может быть! Это всё какой-то бред!

– Я понимаю, что это слишком большой поток информации для тебя, что тебе трудно это всё осознать и принять, но, Йенс, она может помочь. А деньги я достану. Пожалуйста, ради Оливера, ради Фриды, ради... меня?

Это решение было достаточно тяжёлым для Ольсена. Почему Гловер вообще собирался подписать какой-то там контракт с чёртовой преступной группировкой? Разве это не пугало его? Йоханесс понимал, что Томсон действительно переживал за своего кузена, но неужели не было каких-то более безопасных вариантов? Если Эрика Ричардсон действительно мафиози, то... может быть, всё же не стоило с ней связываться? Тем более что эта прекрасная дама наверняка уже точила на Йенса зуб. Ольсен зажмурился: хотелось вернуться в прошлое и изменить свои действия в тот день, заставить себя заткнуться, ударить самого себя. Это получается, что Йенсу повезло, раз его не пристрелили в какой-нибудь подворотне из кровавой мести? А ведь... она ведь могла, верно?

– А какие у нас риски? – неуверенно спросил Йоханесс, с опаской поглядывая на Гловера.

– Ричардсон не особо любит своих должников, но у меня есть деньги и хорошая репутация. Никаких рисков, – попытался успокоить брата Томсон. – Не думай, что, раз она относится к мафии, то она совершенно бесчеловечна. Да, она выглядит жестокой, но её «Нация розы» продаёт лекарства жителям Детройта уже много десятков лет. Я знаю многих людей, которые смогли побороть тяжёлую болезнь только благодаря помощи Ричардсон. Мафия – это не всегда грабежи и убийства, а Америка всегда и у всех будет ассоциироваться с преступным миром. Открой глаза, брат, тебе становится хуже, твоё лекарство почти не помогает, ты тра-

тишь огромное количество в никуда. А тут будет стопроцентный вариант, я всё оплачу, позволь помочь тебе, позволь мне таким образом исправить то, что произошло... пожалуйста, Йенс. Ради меня. Ради Фриды. Ради Оливера.

Перспектива быть чем-то обязанным Эрике Ричардсон пугала, потому что вряд ли эта женщина способна прощать другим людям долги. Но ему хотелось увидеть, как вырастет сын, чтобы лично поприсутствовать на его выпуске из школы, чтобы поздравить с поступлением в высшее учебное заведение (а вдруг повезёт?), чтобы познакомиться с его возлюбленной, чтобы отметить их свадьбу, а потом и рождение первого внука. Ольсен тяжело вздохнул: разве был у него вообще другой выход? К тому же, раз Гловер говорит, что сам хочет помочь, что страшного в этой связи с мафией ничего нет. Томсон живёт тут с самого рождения, кому, как ни ему, знать?

– Я согласен, – резко отозвался Йоханесс, сам от себя того не ожидая.

– Спасибо, Йоханесс. Боже, спасибо тебе за то, что мой брат образумил!

Глава 3. Забавно, но ваши глаза я хорошо запомнила

*По Вам глазами вниз скользя,
я б растянул тугой корсет.
Но Вы – прекрасное Нельзя
из миллионов нежных «нет».*
© Николай Зиновьев

Melanie Martinez – Training Wheels

Она была небольшого роста, причём настолько, что каждый раз вставала на носочки, когда выходила отвечать у доски. Маленькой ручкой, обхватив аккуратными пальчиками школьный мел, девочка великолепным почерком с причудливыми резцами выводила цифры на гладкой поверхности. Все в классе знали, что Молли Фостер почти лучше всех в классе разбиралась в сложных математических науках. Лично у Оливера это вызывало настоящее уважение, но некоторые остальные ученики просто пользовались безотказностью малышки и просили у неё тетрадки с домашним заданием.

Одноклассники Расмуссена никогда не считали Фостер привлекательной девчонкой, поэтому не стеснялись прилюдно обзывать её «коротышкой», «малышкой» или даже «пуговицей», потому что глаза Молли казались великоватыми. И будь Оливер чуть-чуть смелее, чуть-чуть сильнее, он бы, безусловно, давно уже принял какие-нибудь меры, чтобы избавить милую одноклассницу от насмешек остальных учеников. Неужели это скромное доброе создание заслуживало такого количества зла в свою сторону?

Возможно, Олли – единственный парень в классе, который слетал с катушек, когда ощущал в воздухе аромат белого шоколада, и запихивал в шкафчик Молли маленькие свёрнутые бумажечки с глупыми комплиментами. Он мог часами наблюдать только за тем, как Фостер робко отвечает заданную на дом тему. Безусловно, эта девушка – настоящее солнце, которым Расмуссен был очарован целиком и полностью.

Оливер знал Молли на протяжении нескольких долгих лет, но всё это время он так и не смог найти в себе силы, чтобы подойти и просто заговорить о какой-нибудь ерунде, а потом, быть может, пригласить её погулять на выходных. Как бы ни пытался Расмуссен окрепнуть духом, всё было бесполезно.

Фостер поправила коротенькие волосы, заправив локон за ухо, и отошла от доски, неловко прокашлявшись, тем самым пытаясь привлечь к себе внимание старой учительницы, которая терзала нервы совершенно всем своей математикой.

– Вы большая молодец, мисс Фостер. Ничего, кроме как «отлично», я и поставить не могу. Прошу вас вернуться на своё место, – растягивая слоги, строгим голосом произнесла женщина.

Молли кротко улыбнулась и направилась к своей парте. По счастливой, или же, наоборот, несчастливой, случайности девушка прошла прямо возле места, где сидел Оливер, случайно дотронувшись до плеча юноши ручкой. Кажется, Фостер не обратила на эту нелепость никакого внимания, а сердце Оливера забилося в бешеном ритме, вот-вот уже готово было выпрыгнуть из груди. На лице Расмуссена возникла смущённая улыбка, а на щеках заблестел румянец. Парень не мог простить себе свою влюблённость, но как же тепло становилось на душе только когда Молли проходила мимо или сталкивалась с Олли случайным взглядом.

– Что это я вижу, мистер Расмуссен? – усмехнулась соседка парня по парте, а вместе с тем и его единственный друг. – Вы покраснели, словно спелый помидор. Неужели это дело ручонки мисс Фостер?

Было в голосе подруги что-то кислое, или даже едкое, на что Оливер лишь отрицательно покачал головой. Парень не знал, как Лекса относилась к Молли, но в одном был уверен точно: она не должна узнать об этих чувствах, потому что совершенно ничего интересного в этой информации не заключается. Более того, Лекса могла отнестись к этому далеко не положительно.

К слову, соседка Оливера по парте – полная противоположность Молли, да и самого Расмуссена, чего уж тут. Почему парень и девушка столкнулись и подружились – вопрос, который до сих пор остаётся открытым. Лекса – девушка с крайне сложным характером, которую может резко из огня бросить в холод и наоборот, но в ней было то, чего так не хватало Оливеру: подруга умела постоять за себя и своих близких. Тем не менее, она врывается в чужие споры, выкрикивала оскорбления недоброжелателям, выгрызала уважение своими собственными усилиями, что так не сочеталось с её ухоженным внешним видом.

Лекса – блондинка с короткими милыми кудряшками, обычно одетая или в модную блузу, или платье, привезённое из-за границы, или во что-то другое очень выделяющееся и необычное для всех остальных девчонок в классе. Единственное – лицо её, если присмотреться, выдавало непростую жизнь и метания в душе, которых было достаточно. Нельзя было сказать, что девушка уродлива или, наоборот, страшно красива, но было в её внешности что-то особенное, странное, может быть, немного отталкивающее. Возможно, это впалые щеки, чёрные густые брови, контрастирующие с золотистыми завитушками, бледная кожа, аристократическая родинка над губой или, кто знает, бледные тонкие губы? А может всё дело в светло-голубых глазах, невольно навевающих какую-то необъяснимую тоску? Одно Оливер знал точно: Лекса – единственная девушка в своём роде, ещё одной такой же не найти на всём белом свете.

– Ты уверен, что твои красные щёки ничего не значат? – прошептала подруга, открывая свою тетрадку.

– Да. Ты знаешь, что я всегда так реагирую на контакт с людьми, – промычал Оливер в ответ, на что Лекса лишь кивнула головой, почувствовав на себе злой взгляд учителя.

– Расмуссен, вы забыли, что находитесь на уроке? – недовольно спросила строгая преподавательница, после чего пришлось прервать разговор. Но парень прекрасно знал, что один бой, из которого вышел победителем, – ещё не выигранная война.

Наверное, общими у Лексы и Оливера были лишь нелюбовь к людям и шумным компаниям и, разумеется, тяга к необъяснимым вещам, к волшебству, к кладбищам, к темноте. Ко всему неправильному. И парню это казалось замечательным, потому что с кем ещё он мог обсудить легенду, придуманную тысячи лет назад, забытую на сегодняшний день? Они даже носили одинаковые дешёвые кольца, смастерённые из старого куска железа, с чёрными розами вместо камня, которые Лекса неизвестно где сумела достать.

Девушка вырвала листок из тетради и быстро что-то написала, после чего пихнула бумагу своему другу в руки. Послание гласило: «Ты не умеешь врать».

И тогда Оливер подумал, что если он смог признаться в своих не совсем понятных чувствах к Молли отцу, то вполне себе сможет рассказать о них и Лексе. С чего Расмуссен вообще взял, что подруга не поймет его, плохо отнесётся к этой симпатии? Но почему-то предчувствие продолжало назойливо кричать об обратном, так что парень решил дотянуть до выходных, чтобы подготовиться морально и выждать подходящего момента.

...

Bring me the horizon – Oh no

С каждым приближающим встречу часом ожидание становилось всё более и более невыносимым. Йоханесс понятия не имел, как нужно будет себя вести, что говорить, чтобы не раздраконить мафиози? Более того, Ольсен даже понятия не имел, кто именно будет вести с ним и Гловером беседу. Вероятнее всего, Эрику не заинтересует такая ерунда, как провоз нелегального лекарства через границу (или откуда они там собираются его достать). Самыми неприят-

ными были мысли по поводу того, откуда сам Томсон знал Ричардсон. Йенсу наиболее реальной казалась теория о том, что кузен уже давно замешан в криминальном мире, что пугало ещё больше.

В последнее время голова мужчины была занята мафией, о которой он знал только то, что гангстеры – жуткие свиньи, которые способны пойти на многое дерьмо ради собственной выгоды. Также Йоханессу было известно, что в Детройте преступность была крайне распространена. Честно говоря, иногда хотелось собрать свои вещи и сбежать куда-нибудь подальше из этого кошмара, огородив себя и сына от наркотиков, алкоголя, больных людей, пистолетов и Гловера.

А потом Йоханесс зачем-то вспоминал про Эрику, с которой в ближайшее время он может встретиться. Благодаря подобным мыслям усиливалась паника, но вместе с ней увеличивался и какой-то необъяснимый интерес. Хотелось копнуть глубже, узнать больше. Криминал, частью которого являлась Ричардсон, завораживал. Разве эта удивительная утончённая женщина может творить что-то грязное, жестокое и отвратительное? Она ассоциировалась с ледяным холодом, но вместе с тем – блеском; с алмазной твёрдостью, но вместе с тем – с сиянием.

И так по кругу. Йенс, сам того не зная, стал мошкой, попавшей в липкую паутину, в которой с каждым своим неровным и опасным движением запутывался все больше и больше.

– Пап, мне нужно в библиотеку, отдать книги, – произнес Оливер, внезапно появившийся рядом с сидящим возле окна на старой пошатывающейся табуретке Йоханессом. – Ты обещал, что мы сегодня ходим туда.

Ольсен резким движением захлопнул небольшую тетрадь с белыми листами, которую все это время крепко сжимал в руках, и перевел взгляд на сына.

– Помню, – сипло отозвался мужчина.

– Пап? – чуть прикусив губу, протянул Расмуссен, опустив глаза на вещицу, теперь уже лежащую на коленях отца.

– Чего еще? – уже более грубо спросил Йенс.

Парень замялся, словно подбирая нужные слова. Мужчине пришлось подождать несколько минут перед тем, как Олли созреет для фразы, которую хотел сказать. Ольсен просто тяжело вздохнул, посмотрев на состояние сына, но решил не давить на него, потому что, если быть честным, юноше подчас было крайне трудно справиться со своей робостью.

– Ты... снова рисуешь? – тихо-тихо спросил Оливер дрожащим голосом.

– Нет, Олли. Я больше не рисую, ты знаешь, – пожал плечами в ответ Йоханесс.

– Эм, ладно. Тогда я пойду собираться, – протараторил парень и умчался прочь в свою комнату.

Что сын, что Эльфрида всегда жутко интересовались творческими успехами Ольсена. На самом деле, мужчина не брал в руки карандаш уже на протяжении долгих лет. Рисование всегда было большой темой для Йенса, при затрагивании которой начиналась жуткая мигрень, а на душе становилось противно.

...

Книги – это неоспоримый источник знаний, благодаря помощи которого можно понять мотивы поступков человека, выстроить собственные взгляды на окружающий мир, но в то же время – верный друг, который никогда не бросит и поддержит тебя умным словом. Возможно, Оливер слишком сильно был влюблен в литературный мир и, кажется, готов был остаться в нем навсегда. Йоханесс не разделял восторга сына при виде старых массивных книжек, хотя, казалось бы, и не был далек от искусства. Просто так выходило, что за свою жизнь Ольсен находил другие развлечения, всегда откладывая чтение в сторону.

Однако, что было совершенно нормально, от вида огромной библиотеки невольно начинали подкашиваться ноги, несмотря на то, что был здесь Йенс не первый раз вместе со своим

сыном. Огромные мраморные колонны возвышались высоко вверх, настолько, что увидеть их верхушку казалось делом невозможным. Через толстые бархатные занавески на обратной стороне больших стеклянных окон можно было разглядеть старые шкафы, полностью заставленные книгами. Бесспорно, это было роскошное здание, напоминавшее Йоханессу дома богатей, живущих в престижном районе. Ольсену удавалось парочку раз проехать по широкой дороге, по краям которой росли удивительной красоты растения, за которыми, должно быть, нужен был тщательный уход. Но самое главное – это, бесспорно, недопустимо шикарные дома здешних сливок общества, которые наблюдать в Свендбурге Йоханесс никогда не мог. Эта библиотека по какой-то непонятной причине вновь заставляла мужчину думать о жизни, огражденной высоким, но красивым кованым забором, куда может попасть только представитель элиты. Безусловно, эти мысли совершенно не нравились Ольсену. Более того, они смущали его.

– Пап, пошли? – неуверенно произнес Оливер, взявшись рукой за ручку двери.

Внутри здание было уже не таким пугающе дорогим, как снаружи. Здесь уже царила совершенно иная атмосфера. В воздухе ощущался запах старых книг, пыли и сырости. Солнечного света в помещении, в котором отец и сын оказались, пройдя по небольшому коридору, явно не хватало. Несколько слабо светящихся ламп не давали возможность тщательно разглядеть книги: то, для чего люди посещали библиотеку. Приходилось подходить к полкам и всматриваться в обложки. Йоханесс сухо поздоровался с библиотекаршей, сидящей за небольшим деревянным столиком, и подошел к стеллажу с популярными книгами, в то время как сын убежал куда-то вглубь лабиринта из шкафов, чтобы найти нужные произведения.

– Вас интересует что-то конкретное? – вежливо спросила дамочка с длинной золотистой косой.

– Нет, – фыркнул Ольсен, прикасаясь к стареньким обложкам.

Почему-то было как-то неприятно находиться в этом помещении, ежась от небольшого холода и давясь гадким запахом пыли. Мрачно и угрюмо было внутри библиотеки, несмотря на внешнюю роскошь, несмотря на то, что Йоханесс и Оливер – не единственные посетители. Но в то же время что-то притягивало мужчину, заставляло его бесцельно разглядывать книги и гладить обложки, некоторые из которых, казалось, могли развалиться от одного лишь прикосновения.

Почему-то, то ли так совпали звезды, то ли это действительно чьей-то рукой было уже написано в книге судьбы Йоханесса, взгляд попал на новенькую книжку, Гарри Грэй «Однажды в Америке». Ольсен слышал, как люди говорили об этом нашумевшем когда-то произведении, в его голове зачем-то четко обозначились автор и название, поэтому Йенс резко схватил книжку и открыл содержание.

– Это очень необычное произведение. Автор состоял в преступной группировке, а свое творение написал, когда находился в тюрьме, – слащавым голоском произнесла библиотекарша.

Мужчина проглотил застрявший в горле ком. Преступная группировка – это опять мафия что ли? От этого Ольсену стало совсем не по себе, потому что, честное слово, в последнее время в его жизни было слишком много разговоров о гангстерах. Возможно, в этом нет ничего плохого, если они не касаются лично тебя, но, к большому сожалению, на днях Йенсу предстояла встреча с мафиозным боссом, которая могла закончиться далеко не лучшим образом. Но, кто знает, может быть, это участь каждого человека, живущего в Детройте, который буквально пропитан преступностью?

– Я мог бы взять эту штуку? – сильным голосом спросил Йоханесс, подняв два своих глаза прямо на женщину. Та поежилась при виде лица мужчины, словно увидела в нем какое-то страшное чудовище, прищурилась, будто бы не веря самой себе, и, густо покраснев, опустила взгляд, видимо осознав свою невежливость. Ольсену оставалось лишь тяжело вздохнуть на это:

гетерохромия – это далеко не всегда залог успешной беседы с представительницей женского пола.

– К-конечно, мистер, п-простите, – промямлила себе под нос женщина, выхватив из рук Йоханесса книгу, которую тот протянул ей, чтобы оформить «прокат» произведения.

Через пару минут прилетел Оливер, который выбрал для себя какую-то страшно толстенную книгу, на которую Йоханесс не обратил особого внимания. А вот самого юношу очень даже заинтересовало то, что взял его отец.

– Ты действительно собрался ее прочитать? – каким-то странным тоном голоса спросил Расмуссен, когда оба уже вышли из библиотеки.

– Нет, я взял ее, чтобы она полежала у меня на тумбочке, – грубо отозвался Ольсен, который чересчур нервничал из-за пугающих совпадений.

– П-прости, – вздохнул Оливер, который, кажется, уже привык к характеру отца, но все ещё зачем-то надеялся на лучшее.

...

In This Moment – Roots

Бедный район в Детройте не один, поэтому Йоханесс совсем не удивился, когда машина Гловера после очередного поворота оказалась в совершенно незнакомом квартале, где по обеим сторонам улицы стояли маленькие старые домики, которые, казалось, могли развалиться от лёгкого порыва ветра. Ольсену была хорошо знакома эта картина. Соседи возле его собственного дома были весьма странными людьми, которых мужчина предпочитал обходить стороной. Кажется, в трех комнатах жило человек десять, если не больше. На траве возле их дома можно было обнаружить использованные шприцы, вкалывали которыми, вероятнее всего, далеко не лекарства. Про осколки бутылок и говорить было нечего. Иногда Ольсену казалось, что он и его сын – единственные нормальные жители с улицы. Но что делать, если экономика Детройта оставляла желать лучшего, а наркотики уже давно стали вполне себе обыденной вещью, хранение которой можно просто спрятать от глаз стражей порядка.

– Че за дыра, Томсон? – фыркнул Йоханесс, пытаясь сдержать рвотные порывы, вызываемые картиной за окном. Как же ненавидел Йенс эту часть Детройта: гниющую, вонючую, почти мертвую, грязную, давно уже утопшую в своей же нищете и беспомощности.

– Хочешь ты того или нет, но мисс Ричардсон назначила нашу встречу именно в этом квартале, – пожал плечами сидящий рядом Гловер, даже не одарив брата самым коротеньким взглядом.

Эта самая вышеназванная мисс Ричардсон с каждой новой отрытой Ольсеном крупницей информации становилась все более необыкновенной личностью. Все больше и больше мужчина убеждался в том, что первое впечатление часто обманчиво, а красивая внешность может скрывать множество странностей. Может быть, из-за этого и дается некоторым людям природой необыкновенная красота, чтобы скрыть их душевные терзания, их внутреннюю раздробленность, моральное уродство, драму сердца и трагедию головы? А Эрика, как считал не один только Йоханесс, была прекрасна настолько сильно, что от её бледного идеального лица было трудно оторвать глаза.

Чёрт. Ольсен же решил, что больше не будет думать о мафиози. Кажется, настало время в очередной раз пообещать себе, что прошлая оплошность была последней.

– Ты какой-то отрешённый. Все в порядке? Ты переживаешь из-за предстоящей встречи? – с проскользнувшей ноткой заботы в голосе спросил Гловер. – Не бойся. Если не будешь влезать, то тебя никто не тронет. Говорить буду я, хорошо?

Йоханесс кивнул головой, вновь заинтересовавшись пейзажем за окном. Конечно же, Томсон знал, как сильно любил его кузен лезть на рожон и делать всё по-своему, но он до последнего надеялся, что Ольсену хватит мозгов хотя бы на то, чтобы не спорить с крайне влиятельной и, по слухам, жестокой мафиози.

– Как ты вообще умудрился ввязаться в это дерьмо с гангстерами и мафией? – тихим голосом Йоханесс задал вопрос, который его уже давно интересовал, но который он не находил в себе силы озвучить вслух.

– В этом городе трудно быть незамеченным мафией, если у тебя есть деньги, – так же негромко ответил Гловер. – Эрика, она... она безумна, знаешь? А я не хочу жить в страхе и потом умереть от свинца.

Ольсен до переезда в Детройт смутно понимал, что представляет из себя мафия. О людях с пистолетами упоминали по радио, иногда писали в газетах. Но в Свендбурге головы жителей могли быть забиты всем, чем угодно, но не редкими преступлениями. Жизнь в Дании была тихой и спокойной, так что бояться гангстеров, о которых никогда не слышал, Йоханесс не мог, когда задумывался нам переездом в Америку. Но теперь с каждым новым днем жизнь в Детройте становилась все невыносимее и безумнее. Эрика, которая казалась вежливым приличным человеком, к тому же обладающая очень приятной внешностью, на самом деле являлась настоящим мафиозным боссом, возле которого держаться нужно крайне осторожно. Ольсену было страшно представить, на что способны тонкие руки Ричардсон. Известна ли её сердцу жалость? Умеют ли бирюзовые глаза плакать? Ох, нет, ему до сих пор крайне тяжело было поверить, что хрупкая женщина со столь очаровательными чертами лица могла действительно быть главой мафии. Откуда в прелестном девичьем сердце могло бы взяться столько жестокости, откуда в тонких руках столько силы?

Представление о мире буквально трещало по швам, и Йоханесс время от времени вспоминал свою первую возлюбленную – Дорту – взбалмошную, но немного трусоватую перед своими родителями девушку. Ну или мать Оливера – та вообще могла мечтать исключительно о деньгах и богатом муже. Невольно он начинал примерять и на их прекрасные лица маску убийцы. Были ли у этих девушек страшные секреты, сокровенные мучительные желания? Он резко зажмурился: нет и ещё раз нет! Йоханесс с мучением прокручивал в голове все последние сводки новостей, пытаясь вспомнить преступления, в коих были виноваты женщины. Но данная тема никогда не интересовала Ольсена, и он был обречён на провал.

Разве... разве женщины, эти прелестные создания, способные породить детей и дарить своим мужьям счастье и покой, способны на жестокость и убийства? Даже родная мать, столкнувшись с неповиновением сына, всегда взывала к отцу. Сама могла лишь наругаться и тяжело вздохнуть: «Ты заставляешь свою мать страдать!»

Ладно, одно дело – пойти на убийство. Быть может, Йоханесс даже мог припомнить несколько случаев, о которых слышал украдкой, в которых жёны убивали мужей. Из ревности, ради защиты. Но чтобы женщина была главой преступной группировки... такого в действительности даже в кино не увидишь! Быть может, основная власть всё же не в её руках? Может, она просто жертва обстоятельств?

Внезапно новенький форд остановился возле двухэтажного особо неприятного заброшенного здания. Гловер знаком приказал брату выйти, но сам вылез из машины чуть позже, потому что обменялся парой каких-то фраз с водителем автомобиля.

Взгляду Йоханесса открылся огромный особняк, кажется, заброшенный очень и очень давно. Окна на нижнем этаже были забиты потемневшими досками, а на верхнем все еще даже висели потрепанные занавески. В крыше отсутствовала большая часть черепиц, а в стенах некоторые доски. От здания веяло ледяным холодом, несмотря на вполне себе сносную погоду на улице. Казалось, что там, в этом крайне несимпатичном месте, обитают самые настоящие призраки, пожирающие души простых смертных. Ольсен не суеверный, более того, он не поддается на детские легенды, потому что давно уже вырос, но, честно говоря, идти в это здание не хотелось. Хотя бы из-за возможности столкновения с той самой Эрикой Ричардсон.

Томсон, сопровождаемый крупным телохранителем, уверенной походкой направился прямо ко входу в здание. Йоханесс никогда не считал себя трусом, а в подростковом возрасте

он и вовсе являлся самопровозглашенным повелителем безрассудства в городе. Разумеется, за юные годы пришлось дорого расплатиться, поэтому с возрастом пришло осознание, а тяга к приключениям испарилась. Но, наверное, всё же не полностью. В любом случае, именно сейчас Ольсен решил постоять в стороне, заламывая пальцы назад и жутко нервничая.

Йенса начинало тошнить, что совершенно не радовало. Сердце в груди, казалось, выплывало безумный танец, а руки тряслись, словно у старого алкоголика. Что если Ольсена, не успеет он и глазом моргнуть, затащат в этот преступный мир грабежа и убийств, как то произошло с Гловером? Что тогда станет с Оливером?

Через несколько минут парадная дверь отворилась. На пороге показался человек высокого роста с крайне неприятной внешностью, одетый в длинный плащ и шляпу с широкими полями. Он ледяным взглядом осмотрел «гостей» и указал пальцем на телохранителя.

– Войдете без него, – отрезал мужчина, жестом приглашая Гловера и Йоханесса внутрь.

Ольсен, слегка покачиваясь, подошел к брату. Гловер схватил Йенса за рукав куртки и резким движением потянул в дом. Единственная надежда, единственный лучик света остался на улице. Теперь телохранитель предпринимателя не сможет хотя бы создать иллюзию того, что две заблудшие души в мире мафии будут не одни, что спастись от гнева гангстеров удастся.

– Я передумал. Поехали домой, – тихим голосом произнес Йоханесс.

– Уже поздно, идиот.

В доме посетителей встретил еще один гангстер, который держал в своих руках револьвер, а в зубах – крупную папиросу. Мафиози сухо кивнул, после чего махнул рукой, приказывая идти следом. Не в своей тарелке Йенс себя чувствовал не только из-за давящего запаха сырости вперемешку с сигаретным дымом, скрипящих досок, разбитой изуродованной мебели повсюду, но и из-за того, что позади братьев шло еще двое гангстеров. Крайне вежливо встречает мафия своих дорогих гостей.

Возле закрытой двери в конце коридора мужчина, что шел впереди, наконец-то остановился. Врата в ад отворили, куда почти ежесекундно затолкали Йоханесса и Гловера.

Ciara – Paint It, Black

Ольсен оказался в небольшой комнате, которая ранее, видимо, служила кабинетом. По сравнению с остальными, это помещение выглядело совсем даже еще неплохо. Возле стен стояли высокие книжные шкафы, на полу был постелен красивый, но пыльный ковер, в центре комнаты находился небольшой диванчик и кресла рядом с ним, а у занавешенного окна стоял стол. Единственным источником света являлась небольшая свеча, что придавало комнате атмосферу загадочности и опасности, словно в ее стенах происходили незаконные дела. Какая ирония.

– Приветствую вас, дорогие наши гости, – медленно произнес чей-то до ужаса знакомый голос. Безусловно, Йоханесс сразу же понял, кто являлся его обладателем. Сердце ушло в пятки, а по спине пробежала мелкая дрожь.

За тяжёлым дубовым столом сидел высокий худой мужчина с длинными золотистыми волосами – разумеется, то был Кристиан Эдвардс. Лицо мужчины казалось слишком красивым, черты лица – слишком мягкими, губы – слишком большими, глаза – слишком очаровательными, движения – слишком грациозными, а одежда – слишком броской. Всё в этом незнакомце было чересчур. Его ядовитые ярко-голубые глаза с нежным обожанием смотрели на человека, сидящего на гладкой поверхности стола. Рядом с ней лежала опрокинутая бутылка вина, из которой тонкой струйкой вытекала бордовая жидкость.

И всё же Йоханесс все никак не мог решиться посмотреть на неё. Гловер легонько пихнул брата к дивану, куда оба тут же и присели.

– Доброго дня, – вежливо кивнул головой Томсон. Но от взгляда Ольсена не укрылось то, как сильно сжимал кузен кулаки. – Спасибо за то, что согласились принять нас, мисс Ричардсон.

Брат обращался именно к ней, словно бы грациозно восседающий за столом Кристиан был всего лишь декорацией, красивым дополнением, и решать он ничего не мог. Эрика сухо усмехнулась, изучающе разглядывая своих посетителей. Йоханесс чувствовал, как холодные и злые глаза мафиози быстро скользили по его телу, тем самым заставляя Ольсена чувствовать себя крайне неудобно.

– Поздоровайся, Йенс, – прошептал Гловер на ухо брату.

– Да-да, здравствуйте, мисс Ричардсон, – внезапно оживился мужчина, резко подняв голову вверх, из-за чего тут же пожалел, потому что столкнулся взглядом с жестокой бирюзой.

Женщина вальяжно восседала на столе, закинув ногу на ногу. Её блузка с рукавами-фонариками и высоким воротником ревностно прятала от чужих глаз белоснежную кожу шеи, а бархатные перчатки скрывали пальцы. Эрика с поражающим глаз изяществом держала в руках мундштук, время от времени делая затяжку. Комната пропиталась дымом насквозь, даже открытая форточка не спасала, но именно сейчас мужчине стало плевать на все подобные мелочи. Из-под длинной чёрной юбки-русалки немного виднелись тонкие голени, и Йоханессу этого хватило, чтобы словить сердечный приступ. Он резко перевёл взгляд наверх, вновь столкнувшись глазами с Ричардсон. К лицу прилил неоправданный жар, и Ольсен почувствовал, как краснеет. До чего докатился! Слово мальчишка какой-то, а не взрослый мужчина – давно уже Йенса ни одна даже самая прекрасная женщина на земле не могла заставить покраснеть. Сколько он их видел – самых разных, страстных и робких, красивых и не очень, добрых и сварливых, но именно с этой дамой в корне было что-то не так.

В любом случае, разглядывать жену при сидящем рядом муже – откровенно херовая идея.

– Я вас помню, – Эрика надменно вздёрнула носик с небольшой очаровательной горбинкой. – Забавно, но ваши глаза я хорошо запомнила, мистер с гетерохромией. Помните, что я вам сказала, когда мы виделись с вами в последний раз? Сегодня ваш язык не такой острый, каким был тогда.

Ричардсон вновь усмехнулась, а вместе с ним и мужчина с золотыми волосами, только вот усмешка Кристиана явно обладала совершенно иной окраской. Неужели Эрика рассказала своему супругу о несчастном алкоголике, который случайным образом прицепился именно к ней тем самым злосчастным вечером? Чёрт подери, ну и что теперь происходило в мозгу этого ревнивца? Точил ли он ножи, выдумывал ли разнообразные пытки, когда смотрел на Ольсена? Йенсу вдруг показалось, что его восхищение внешностью Эрики было известно каждому в комнате, словно разум обнажили и все мысли, включая самые непотребные, вывалились наружу.

Гловер с недоумением посмотрел на кузена, на что Ольсен лишь покачал головой.

– Впрочем, не важно, – с необъяснимым раздражением в голосе почти через секунду продолжила мафиози. – Ах, да, пока мы не приступили к делам. Я хотела бы представить вам Кристиана, моего прекрасного партнёра во всех сферах моей жизни. Наверняка вы, мистер Томсон, уже имели честь с ним познакомиться.

Кристиан растянулся в широкой улыбке, довольный комплиментом, словно он не был обычной лестью.

– Приветствую вас, – кивнул головой мужчина.

– П-приятно познакомиться с вами лично, мистер Эдвардс! – чересчур эмоционально воскликнул Гловер, на что Кристиан лишь на пару мгновений едва приподнял уголки губ.

Йенс лстыть не собирался, возможно, в его положении вообще лучше было действительно просто молчать и не вступать. Если Эдвардс уже точил на Ольсена ножи, то никакое приветствие не спасёт мужчину от его жестокой участи. Сидит за столом, редко говорит, лишь испепеляет взглядом, позволяет беседу вести своей очаровательной жене – какая хитрая схема, дон Эдвардс! Милой барышне с хрупкими плечиками и длинными ногами действительно доверия было куда больше, к тому же её мягкий тоненький голосок обволакивал и

заставлял сердце биться немного чаще. Разумеется, от Эрики исходила жестокая убийственная энергия, холодная – даже почти ледяная, но прелестная оболочка затмевала все самые чёрные чувства. Пока чудесная жена запудривала клиентам мозги, сам Кристиан в последствии делал всё, чтобы извлечь из сделки наибольшую выгоду.

Эрика говорила уверенно и даже немного прохладно, несмотря на своё приветливое настроение несколько минут назад. Йенс то и дело замечал, как Гловер вздрагивал или начал кусать губу, потому что Ричардсон перескакивала с темы на тему, начинала рассматривать ситуацию со стороны, словно хотела запутать предпринимателя. Словно, возможно, этот образ не должен был возникнуть в голове Ольсена, Томсон – это несчастная овечка, загнанная в угол, жертва волка, которым являлась мафиози. Но Йенс не мог винить брата с рассеянности и растерянности: какой нормальный мужчина мог вести себя трезво и рассуждать разумно, пока две очаровательные ноги в туфлях с высоким каблуком покачивались в воздухе туда-сюда, явно нарочно привлекая внимание! Ольсен старательно пытался туда не смотреть, но постоянно проигрывал в борьбе с собственным искушением.

– Откуда вы собираетесь достать нужное нам лекарство? – тихим голосом спросил Гловер, слегка засомневавшись, что вообще имел право задавать этот вопрос человеку с оружием (то, что у Эрики и Криса был пистолет, казалось очевидным).

– Оу, вам не нужно об этом переживать, мистер Томсон, – мафиози едко ухмыльнулась. На самом деле, полноправно эту ухмылку назвать ядовитой было тяжело. – Это уже мое дело. Ваше – не забыть про оплату.

На самом деле, большая часть разговора прошла мимо ушей Йоханесса, потому что всё, на что был способен мужчина – это наблюдать за почти железной мимикой мафиози, её жестами, соприкасающимися друг с другом губами и потемневшими бирюзовыми глазами. Ольсен не мог вникать в смысл сказанных Эрикой слов, потому что он вслушивался в голос мафиози. Все это казалось жутко неправильным, но Йенс объяснял все тем, что Ричардсон слишком необычная для этого мира, поэтому ею невозможно не восхищаться.

Быть может, она в действительно никак не связана с преступным миром? Вернее, связана лишь формально – благодаря мужу-тирану. Что там про него говорят? Что Кристиан жутко ревнив? В таком случае, Йенс совершенно не удивится, если узнает, что гангстер запирает свою благоверную дома, приставляет к ней охрану для слежки, заставляет отчитываться о каждом своём перемещении и запрещает без его дозволения общаться с другими мужчинами. Такую красоту, разумеется, нужно беречь от нечистых разумов, но не слишком ли жесток был Кристиан? Хотя, впрочем, мы говорим о доне мафии. Вероятно, он бы без сожаления пошёл на любые методы, лишь бы удержать свою позицию, лишь бы продолжать одурачивать пустые головы жителей городка.

Теперь даже без особых стараний Ольсен убедил себя в том, что Эрика была лишь жертвой обстоятельств. Разумеется, она не могла хотеть всего этого. Разумеется, на самом деле руководил мафией её хитрый и крайне жестокий супруг, который всего лишь прикрывался образом милой девушки. Да, Эрику побаивались в городе, но, будь она мужчиной, никто бы не смог довериться холодным бирюзовым глазам. Вся эта теория прекрасно ложилась на происходящие события, и теперь Йенсу даже стало понятно, для чего Ричардсон рассказала мужу про то столкновение возле бара. Во-первых, возможно, Кристиан это узнал не от неё самой, а от того, кто постоянно за ней следит, а, во-вторых, Эрика могла сообщить обо всём сама – потому что знала, что не имеет права что-либо скрывать.

Вот так вот фактически безосновательно в глазах Йоханесса Кристиан стал жестоким тираном, а Ричардсон – несчастной одинокой жертвой, которая определённо нуждалась в помощи. Как всякий мужчина, встретивший на своём пути несчастную женщину, Ольсен ощутил резкий рыцарский порыв. Если бы Кристиан не был доном мафии, то, разумеется, Йоханесс давно бы уже начистил ему ебало. Бедная-бедная Эрика, определённо, она заслуживала

не только жалости, но и поддержки. Как эта хрупкое прелестное создание вообще справлялось с участью, свалившейся на острые плечики? Она определённо заслуживала лучшего. Йоханесс невольно прикусил губу, рисуя в голове образ счастливой заплаканной Эрики, на лице которой, разумеется, не осталось и тени того ледяного злорадства и надменности, теперь она могла лишь верещать благодарности и вешаться на шею своему герою, спасшему даму от жестокого тирана. Героем, разумеется, был сам Ольсен. Из-за специфики работы Йенс обладал очень живым воображением, потому данная картина получилась очень реалистичной, особенно та часть, когда от невинных объятий Эрика переходила к настоящей благодарности...

Очнувшись от «спячки» Йоханесс только тогда, когда почувствовал на себе чей-то прожигающий взгляд. Мужчина не сразу понял, кому он принадлежал, но потом повернулся в сторону сидящего через Гловера Кристиана. Последний смотрел на Ольсена, словно пытаясь разглядеть, но при этом широко улыбнулся, когда столкнулся глазами с гостем. По спине поползли мурашки. Если вы настолько хотите уберечь жену от восхищённых взглядов, то укутайте её хотя бы в паранджу!

– В случае невыполнения обязательств, описанных в этом документе, не стоит удивляться неприятностям, с которыми вы можете столкнуться впоследствии, – с широкой улыбкой на губах произнесла Эрика, крутя в руках какую-то бумажку, которую тут же протянул Гловеру.

Ольсен невольно прикусил губу, когда увидел, как резко поменялось выражение лица брата. Кажется, ему не очень понравились «последствия», о которых говорила загадочная мисс Ричардсон. Йенс попытался заглянуть в договор о продаже души Дьяволу, но Томсон резким движением вернул его Эрике, энергично кивая головой при этом.

– Да-да, мы со всем согласны. Деньги будут у вас, – протараторил предприниматель.

Губы Эрики теперь уже изогнулись в хищной улыбке, на что Ольсен лишь покачал головой: с ролью женщина справлялась превосходно.

...

Arctic Monkeys – 505

Разумеется, все условия сделки, обозначенные на бумаге, не были в полных подробностях сообщены Йоханессу. Гловер смутно раскрыл ее суть, исключая «ненужные» элементы. Самым главным Томсон посчитал то, что Ольсен в скором времени получит нужное лекарство, а остальное, собственно говоря, неважно. Как бы не пытался мужчина узнать у кузена хоть что-нибудь про «невыполнение обязательств», Гловер оставался непреклонным.

Вернулся домой Йоханесс достаточно поздно. Оливер в это время еще не спал, потому что собирался дождаться отца, но уже вовсю зевал, мечтая наконец-то лечь в кровать. Когда родитель, наконец, вернулся, Расмуссен лишь коротко пожелал спокойной ночи и убежал в комнату, оставив Ольсена в гордом одиночестве или же наедине с глупыми мыслями.

Полночи Йенс метался в жалких попытках заснуть, но больной разум постоянно, словно заведённая пленка, проигрывал моменты в заброшенном доме. Образ Эрики, который мужчина так старался забыть, постоянно возникал в памяти. Теперь уже это казалось каким-то неправильным и даже пугающим. Да, Ричардсон была очень красивой женщиной, но Ольсен при всём своём желании никогда не сможет ей помочь, более того, Эрике вряд ли в действительности нужен герой в лице нищего киномеханика с астмой. Быть может, она давно уже привыкла к своей роли и даже не планировала ничего менять. Конечно, на душе было неприятно, даже гадко, но это не было болью из-за разбитого сердца или же отвергнутых чувств. Эрика была красивой, но Ольсен был бесчувственным. Его первая любовь разорвала душу на куски и навсегда вбила в голову Йенса одно-единственное правило: никогда не влюбляться. Не было ничего грешного в том, чтобы хотеть красивую женщину, но думать о том, чтобы добиться жены дона, – идиотизм. Ольсен, конечно, был идиотом, но, видимо, не настолько.

Наваждение не проходило, несмотря на бесчисленное множество попыток переключиться на что-нибудь другое. Он вспоминал своих бывших пассий, но отчего-то в воображе-

нии из черты лица были смазанными и расплывчатыми. В итоге, он так и не смог вспомнить ни одну из своих женщин в деталях. Зато Эрику мог воспроизвести в памяти до самых мельчайших родинок.

Но всё стало ещё только хуже, когда пульс стал неровным и учащенным, когда перед глазами возникли яркие огни, руки задрожали в нетерпении, душа заболела от желания сотворить что-нибудь великое, а в сердце словно вонзили иголку, которую никак не удавалось извлечь оттуда. Ольсен, трясаясь и потея, вытащил из недр небольшого сундучка ободранный листок бумаги и обгрызенный остаток карандаша, после чего бегом бросился к подоконнику, где и разместился. Тусклый свет небольшой настольной лампы и серебро луны – все, что было в распоряжении Йоханесса, но этого было вполне достаточно, потому что мужчина даже не обращал внимания на свое бедственное положение. Его словно поглотило в мыльный пузырь, куда уже не доходила вся суeta земной жизни, где глас здравого смысла уже казался неразличимым. Кровь в венах кипела, сердце колотилось, а душа пела и нашептывала сладкие слова, призывая к действиям, к отчаянной борьбе.

Линия за линией, процесс поглотил Йенса целиком, чего с ним не случилось уже на протяжении нескольких долгих лет. Но даже это сейчас не волновало мужчину, потому что все, что важно – это листок, карандаш и Муза, снизошедшая с небес или вылезшая из-под земли. Он чирикал по бумаге, словно умалишенный, блестящими глазами наблюдая за появляющимися набросками. Каждая черточка находила отклик в кровоточащем сердце, вызвала его к самоотверженной любви к творчеству, кою Йенс столько лет так старательно снова и снова пытался закопать под землей.

Он сидел так, на подоконнике, и рисовал, освящая путь карандашу лишь тусклым светом лампы и Луны, до шести утра, когда звезды уже начинали исчезать, а небо окрашивалось в нежные цвета. Но прямо сейчас в руках Йоханесс держал получившейся результат, дитя бессонной ночи и неукротимой Музы. Впервые за столько лет он вновь вернулся к любимому делу. Отчего так внезапно? Чем это вызвано? Что он нарисовал?

С белого потрепанного листка на Ольсена смотрело слегка печальное красивое лицо, пухлые губы сжимались излишне сильно, тем самым выделяя крохотную, но такую милую родинку под чуть вздернутым аккуратным носом. Бровь, как и полагалось, пересекал шрам, который на бумаге нельзя было замазать побелкой и спрятать от чужих взглядов.

Ольсен резко выронил листок бумаги и соскочил с подоконника, теперь уже со страхом наблюдая содеянное. Он, сам того не понимая, вновь взял в руки карандаш и нарисовал то, что вертелось на уме. Ни одна красавица не смогла оживить давно погибшую Музу, но стоило бирюзовым глазам задержаться на несчастном мужчине – и он был уже готов посвящать им свои жалкие рисунки.

Глава 4. Только сердце может увидеть сокровище, заключённое внутри

*Сегодня чувствую в сердце
неясную дрожь созвездий,
но гложут в душе тумана
моя тропинка и песня.*
© Федерико Гарсиа Лорка

Three Days Grace – World So Cold (Piano)

Сегодня на рынке был самый настоящий праздник. В ряд выставили продавцы свои столики с необыкновенно красивыми предметами, многие из которых они создали или вырастили сами. Мальчик с удивлённым и даже восхищённым выражением лица осматривался по сторонам. Чего тут только не было: и детские игрушки, и различные сладости, и овощи, и фрукты. Гулять между столиками можно было целый день, но мама настойчиво вела своего сына за руку вперёд, а отец бормотал себе под нос, что опоздание на поезд может привести к большим неприятностям.

Но вот мама обронила свой платок и остановилась. Паренёк быстро отбежал в сторону, чтобы хоть немного посмотреть на окружающие его чудеса. Мальчик поправил круглые очки на носу и оглянулся, выбирая себе прилавок, к которому сейчас побежать.

– М-а-а-альчик, купи букетик лилий для своей мамочки, – казалось, что голос, произнёсший эти слова, был слышан повсюду. Он заглушил все остальные звуки и окутал ребёнка с ног до головы.

Паренёк обернулся и столкнулся с двумя бирюзовыми горящими глазами невысокой женщины, стоящей за прилавком с красивыми разноцветными лилиями и держащей в руках букет с увядшими цветами. Как ни странно, незнакомка была одета в чёрный плащ с капюшоном, который полностью скрывал всё её лицо, кроме светящихся глаз, и делал её фигуру бесформенной.

– Как вкусно пахнут эти лилии! – прошептала проходящая мимо дама в длинном чёрном платье своей подруге.

Мальчик принялся, пытаясь распознать в воздухе аромат удивительных цветов, но тут же нахмурился, потому что на улице совершенно ничем не пахло.

– Почему ты держишь завядшие лилии? – угрюмо спросил паренёк, подходя к прилавку, за которым стояла странная женщина с бирюзовыми глазами. Лилии, лежавшие на столике, были действительно прекрасны. Казалось, что собрать букет на свой вкус и цвет можно было без особых трудностей, потому что лепестки цветов были окрашены чуть ли не во все цвета мира, а формы чашечек были от самых простых до каких-то вычурных и мудрёных. Мальчик улыбнулся, представляя, как будет зарисовывать эту красоту дома.

– Твои глаза обманывают тебя, надень вторую пару очков, – раздражённо выпалила торговка. – Эти лилии в миллион раз красивее всех цветов, что лежат на прилавке. Я отрываю их для тебя от сердца, но, кажется, ты того не стоишь.

Паренёк быстро заморгал глазами и ещё раз поправил очки, пытаясь заметить в уродливых давно отцветших лилиях красоту, о которой говорила женщина. Почему-то поиски прекрасного в уродливом не дали никакого результата, ребёнок так и остался уверенным в своей правоте.

– Иногда тебе стоит смотреть не глазами, а сердцем, – тяжело вздохнула незнакомка. – Только сердце может увидеть сокровище, заключённое внутри.

Кажется, у мальчишки не было никакой способности видеть предметы с обратной стороны, потому что несчастные лилии как были старыми и изуродованными временем, так и остались.

– Йенс! Почему я должна искать тебя по всему рынку, глупый ребёнок? – громко закричала мать, больно схватив сына за запястье и потащив его вперёд. – Мы опоздаем из-за тебя на поезд!

Паренёк прикусил губу и потащился вперёд, следом за матерью, быстро перебирая короткими ножками и обозлённо думая, что завядший букет всё же нужно было подарить этой ворчливой ведьме. Йоханесс зачем-то быстро обернулся назад, окинув прощальным взглядом чудачку и её очаровательные лилии. К искреннему удивлению мальчика, все лилии на прилавке превратились в мелких чёрных змей, которые со всех сторон обвили красивую женщину с горящими бирюзовыми глазами, крепко сжимающую в своих руках белоснежные лилии.

– Вивьен, где вы ходите? Мы опаздываем! – почти прокричал отец, заметив приближающихся жену и сына.

Но вот уже через пару секунд Йоханесс увидел огромный паровоз, из трубы которого валил целыми тучами чёрный дым, со стремительной скоростью заполнявший всё серое небо. Машина была такой огромной, что маленький мальчик казался совсем блошкой рядом с поездом. И, честно говоря, ребёнок тут же передумал ехать на какой-то праздник с родителями в огромных ржавых вагонах. Из окошечка машиниста показался чёрт с двумя огромными рогами. Он широко улыбнулся Йенсу и пропал так же внезапно, как и появился. Паровоз издал громкий сигнал. Звук прошелся по всей станции, но из всех людей на ней именно в Йоханесса он врезался с особенной силой. Паренёк взвизгнул, натянул на уши шляпку цвета золы, сжал её поля обеими руками и бросился вперёд, подальше от этого дьявольского места.

А впереди были страшные люди с демоническими улыбками, крики и визги, которых мальчик предпочёл бы никогда не слышать, даже если бы ему предложили взамен за это оглохнуть. Он просто бежал вперёд на своих коротеньких ножках, пытаясь найти местечко в этом месте, чтобы хотя бы на минутку спрятаться от всего этого кошмара, чтобы вспомнить тёплые объятия матери и притвориться, что всё в порядке.

Кажется, Йоханесс бежал целую вечность, закрыв лицо двумя ладошками, только сквозь просветы между пальцами распознавая дорогу. Он словно летел по воздуху, ощущая второе открывшееся дыхание и наплевав на усталость. Но в один момент всё закончилось, вся энергия была потрачена, поэтому Ольсен, зацепившись ногой о какой-то камешек, упал в грязь. Он пролежал на земле минут десять, мечтая остаться на этом месте до самого конца. Но что-то всё-таки заставило Йенса встать на ноги, отряхнуться и оглядеться. Мальчик оказался в окружении высоких сосен и елей. За спиной была каменная дорога, а перед ним – зелёная неизвестность. Йоханесс тяжело вздохнул и двинулся вперёд, совершенно не понимая, куда и зачем он теперь идёт.

Спустя время начало темнеть, причём явно и стремительно, а мальчик уже понял, что основательно потерялся. Кажется, ёлки и сосны окружили его со всех сторон, лес стал бесконечным, а поэтому найти выход или вход было уже невозможно. Йоханесс застрял в этом крайне неприятном месте. Отовсюду доносились странные пугающие звуки, будто бы крики каких-то жутких существ, исчадий ада, потому что ни животные, ни люди не могли кричать подобным образом. Он дрожал и пытался на ощупь проложить себе хоть какую-то дорогу, чтобы не стоять на месте, потому что остановка незамедлительно привела бы ко сну от жуткой усталости, а сон, несомненно, – к смерти.

Но ноги уже стали ватными, руки – ледяными, а голова – тяжёлой. Йенс остановился возле рябины с ярко-красными гроздьями ягод. Удивительно, но в этом мерзком лесу это

дерево стало своего рода фонариком. От плодов исходил резкий свет, но мальчик слишком устал, чтобы размышлять об этом, поэтому он просто стоял рядышком, обнимая руками тонкий ствол. Наконец, лес погрузился в полную тишину: никаких звуков, никаких шорохов. Йоханесс начал понимать, что засыпает, но сладкую негу прервал отчаянный рык где-то совсем рядом. Мальчик резко проснулся и обернулся: из кустов на ребёнка смотрело два кислотно-жёлтых глаза, обезумевших от голода.

Йенс резко подорвался с места и бросился прочь, отчаянная крича, но уже не мечтая, что откуда-нибудь появится помощь. Теперь его дни сочтены. Ему предстоит умереть здесь, в тёмном лесу, вдали от матери, которую мальчик очень любил, пускай и ссорился с ней постоянно. Перед глазами встал образ невысокой женщины с учебником физики в руках, которая с доброй улыбкой рассказывала своему сыну о дальних звездах, о необъяснимых явлениях. Паренек за своими слезами не заметил небольшой обвал вниз, поэтому через несколько секунд уже кубарем катился вниз, прямо в грязное озеро, которое больше напоминало болото. Где-то сверху раздался скулёрж, но Йоханессу было уже всё равно на преследовавшее его чудовище, потому что мальчик оказался с головой застрявший в вонючей воде, уже даже не пытаясь выбраться на свежий воздух.

Но на этом жизнь не оборвалась тоненькой ниточкой, как думал мальчик. Он закрыл глаза, пока глубже проваливался куда-то вниз, словно это болотистое озеро было бесконечным. В какой-то момент погружение стало слишком свободным, словно Йенс падал уже не на дно, а летел с горы вниз. Паренёк почувствовал болезненный удар и нащупал руками холодный пол. Вода куда-то испарилась, а сквозь закрытые веки мальчик мог ощущать яркий свет.

Three Days Grace – Never Too Late

– Ну и где ты был всё это время? Ты чуть не опоздал на церемонию, – грубым голосом произнёс отец, резким движением поднимая сына на ноги.

Йоханесс, едва находя в себе силы, чтобы не упасть обратно, медленно открыл глаза. Теперь мальчик находился в огромном зале, оформленном в чёрно-белые тона, где кругом стояли люди в траурной одежде, столы с едой, а также всякие дурацкие украшения, из-за которых в голове Ольсена невольно возникал вопрос: он на похоронах или на празднике? Но ещё один замеченный атрибут помог во всём разобраться.

В центре просторного зала стояла украшенная чёрными цветами свадебная арка. Возле неё крутилась девушка в длинном готическом платье, держа в руках потухшую свечу. Рядом с ней стоял мужчина в того же цвета, что и у невесты, костюме, с прискорбным лицом рассматривающий пришедших на бракосочетание гостей, словно разыскивая кого-то.

– Согласны ли вы, Ида Расмуссен, стать законной женой Йоханесса Ольсена, быть с ним и в горе, и в радости, любить его до самого гроба? – громким голосом произнес священник в черной мантии.

– Согласна! – со счастливой улыбкой на лице отозвалась девушка.

В голове почему-то промчались слова незнакомки с бирюзовыми глазами, красивые лилии которой оказались чёрными змеями: «Иногда тебе стоит смотреть не глазами, а сердцем». Вряд ли ребёнок мог понять, что имела в виду в ту минуту женщина. Однако, кажется, Йенс мог смотреть на мир не глазами, а сердцем, потому что спустя какое-то время он всё же понял, что завядшие цветы, которыми так дорожила торговка, на самом деле оказались сокровищем, в отличие от остальных лилий. И сейчас, кажется, настал тот самый момент, когда мальчик должен был применить свой навык и увидеть настоящую Иду Расмуссен.

Йоханесс закрыл глаза и представил бирюзовую воду, чистый белый песок, который ласково гладили небольшие волны, птиц, пролетающих мимо, и почувствовал, как сердце наполнилось необыкновенной силой. Ольсен разлепил веки и увидел чудовище в красивом свадебном платье тёмных тонов, которое едко улыбалась, просовывая свой длинный тонкий язык между зубов.

– Согласны ли вы, Йоханесс Ольсен, стать законным мужем Иды Расмуссен, быть с ней и в горе, и в радости, любить её до самого гроба? – вновь прозвучал в тишине звучный голос священника.

Мальчика ринулся вперед, к свадебной арке, распахивая людей в чёрных одеяниях, которые рычали на ребёнка, а между этими животными звуками, если прислушаться, можно было различить страшные слова.

– Нет! Нет! – завопил мальчик, когда жених уже открыл рот, чтобы дать свой ответ.

Но вот пошёл ледяной дождь с потолка. Реальность начала рассыпаться на кусочки. Холодные капли попадали на плитку, на людей в роскошных костюмах, на декорации, оставляя огромные чёрные кляксы. Мир кричал и стонал от боли, пока маленький Йоханесс бежал из стороны в сторону, пытаясь спрятаться от непогоды. Но вода попадала на ручки, на кофточку, прожигая насквозь не только ткань, но и кожу. Как ни странно, боли Ольсен не чувствовал, только обволакивающий тело холод и стекающие вниз дорожки дождя. Йенс застыл на месте, потеряв способность двигаться, и смотрел на уродливых людей, которых оставил после себя дождь, наблюдая за кривляющейся невестой и родителями, которые теперь были похожи на мерзких монстров, пока не исчез окончательно, издав отчаянный вопль, почувствовав острую боль на лице.

– Пап, пап, проснись! – перед глазами появился парень с растрёпанными тёмными локонами, который держал в руках кружку. Олли выглядел напугано, когда эмоционально махал руками и пытался адекватно сформулировать мысль, крутившуюся на языке.

Йенс выпрямился, пытаясь прогнать остатки очень странного сна. Мужчина заснул сидя, причём на чём-то твёрдом и крайне неудобном. Подоконник! Точно, в гости к Ольсену же вчера внезапно нагрянуло вдохновение, поэтому, видимо, Йоханесс настолько забылся, погрузившись в некогда любимое дело, что не заметил, как вымотался из-за бессонной ночи и погрузился в царство Морфея.

– Оливер, перестань кричать, – простонал Йоханесс, схватившись за заболевшую голову.

– Тебе приснился страшный сон? Ты кричал, я так испугался! – пуще прежнего затараторил юноша, хлопая большими глазами. – И ты не хотел просыпаться. Я облил тебя водой из раковины, но ты всё равно не реагировал на меня. Ты очнулся только тогда, когда я кинул в тебя подушку... – кажется, Олли немного смутился, потому что он замолчал и опустил голову.

– Подушку? – с усмешкой переспросил Йенс.

– Да, – понуро отозвался Расмуссен.

– Ладно. Иди завтракай, – приказал Ольсен, сползая с подоконника и потягиваясь. Тело неприятно болело после сна в неудобной позе.

Оливер перевёл хитрый взгляд на отца, чуть наклонив голову в сторону, словно ожидая со стороны мужчины каких-то действий или объяснений. Ольсен приподнял левую бровь, искренне не понимая, почему на губах сына возникла эта мерзкая ухмылочка. Через пару мгновений Йоханесс заметил, что в правой руке Олли держал уже пустую кружку, а левую прятал за спину. И тогда в голове почему-то возник рисунок, который Йенс вчера создал.

– Я не собираюсь отвечать ни на один вопрос, который ты мне сейчас хочешь задать, – фыркнул мужчина, подходя к сыну, чтобы выхватить из его рук украденную вещичку.

– Рисунок! Спусти столько времени ты решил вспомнить про свой талант. Это замечательно! – воодушевлённо пролепетал Оливер, медленно отступая назад.

– Кто этот человек? Ты её знаешь? У неё есть имя? Почему именно она?

– Это не твоё дело. Верни, – раздражённо ответил Йоханесс, вытягивая руку вперед, чтобы поймать парня, но тот быстрым прыжком отскочил ещё дальше.

Честно говоря, Ольсен даже не мог ответить на вопросы, заданные Оливер. Кто этот человек? Кажется, Эрика носит слишком много разнообразных масок, то появляясь в образе любя-

щей жены, то богатой дамы, то жестокой мафиози. Знает ли Йоханесс её? Визуально да, но что все-таки из себя представляет Ричардсон – непонятно. Почему именно она? Это тот вопрос, который мучает и самого Йенса, потому что, если честно, Ольсен совершенно не только не понимал своего восхищения этой странной мафиози, но и принимать этого не хотел. Однако сердце продолжало дрожать, когда мужчина смотрел на свой рисунок, а на кофейном столике все еще лежала книжка про гангстеров из библиотеки. Наверное, на вопрос про имя он всё же мог ответить. Но разве можно быть уверенным во всем, что касалось Ричардсон? Может быть, она и никакая не Эрика вовсе.

– Не верну, пока ты не ответишь на мои вопросы, – задрал носик к потолку, отчеканил Расмуссен.

– Я не знаю этого человека. Просто нарисовал первое, что, блядь, пришло на ум. Доволен?! Верни! – озлобленно отозвался Йоханесс, протягивая руку вперед.

Оливер обиженно надулся, но вернул рисунок. Мужчина тут же выхватил его и свернул пополам, крепко прижав к себе и облегченно выдохнув. Парень медленным шагом направился к выходу из комнаты, но в шаге от двери обернулся и посмотрел на отца:

– Когда тебя не было, приходила тётя Эльфрида. Она очень ругалась, но сегодня собиралась прийти ещё раз, чтобы убить тебя, – равнодушно произнёс Олли, после чего пропал с поля зрения Йоханесса.

Но, честно говоря, Йенса сейчас в самую последнюю очередь заботила Фрида, которая придёт и будет верещать совершенно не интересующие Ольсена вещи, задавать идиотские вопросы и просто раздражать своим присутствием в тот момент, когда мужчина буквально мечтал о временном одиночестве.

Он всё никак не мог забыть о странном сне. Йоханесс долгое время видел по ночам своих родителей после их смерти, но после переезда из Дании это прошло. В Детройте началась новая жизнь, а вместе с ней все старые переживания перестали так сильно терзать сердце Ольсена. Но что случилось в этот раз? Почему разум решил вспомнить погибших отца и мать?

А сколько непонятного бреда затесалось во сне? При чем тут черти, свадьба, змеи, лилии? Йоханессу не нравились такие видения, которые заставляли его паниковать и переживать. А причём тут Ида, собственно говоря? Эту падшую женщину Йенс не видел уже около десятка лет и, может быть, даже чуть больше.

Но больше всего мужчину интересовала Эрика, которой отчего-то так сильно был увлечён разум, причём на каком-то странном болезненном уровне. Что вообще такого в этой Ричардсон? Ольсен даже не знал, что представляла из себя эта загадочная женщина с бирюзовыми глазами и мягким голосом, так почему тогда Йенс так часто думал о мафиози?

Плевать! Больше никакой мафии в жизни Йоханесса!

Нужно было срочно забыться, забить голову какой-нибудь ерундой, найти себе занятие, причём такое, чтобы больше никогда и ни при каких обстоятельствах не вспоминать блестящие большие глаза Эрики, видящие и замечающие всё вокруг, бледные губы, нежную кожу, руки, которые хочется держать... достаточно! Йенс быстро подскочил со своего места, свернул рисунок на несколько частей и запихал его в карман брюк, после чего бросился в прихожую, чтобы поспешно натянуть старенькую куртку и обуться.

– Пап, ты куда? – озадаченно спросил Оливер, выползая из своей маленькой комнаты.

– По делам, – грубо отрезал Ольсен.

– А как же тётя Эльфрида?

– Обойдётся!

Мужчина быстро выскочил на улицу, надеясь, что свежий воздух поможет привести в нормальное состояние бурлящую в венах кровь. Он не понимал, совершенно искренне и безнадежно не понимал себя, запутавшись в пучинах собственного сознания, не чувствуя даже

почвы своих желаний, мечтая об одном: о душевном спокойствии, которое так давно не появлялось.

IAMX – look outside

На улице сегодня царила какая-то странная атмосфера. Люди прятались по своим домам, боязливо выглядывая из окон, чтобы увидеть что-то. Соседские дети собирались небольшими стайками возле стекла, с интересом выглядывая наружу. Самые смелые из них пытались открыть окно, чтобы высунуть голову, что определённо могло увеличить обзор. Но вот появилась женщина со скалкой в руках, которая громко крикнула на детей, тем самым отпугнув их обратно в комнату. Однако спустя несколько минут, когда родительница вновь ушла вовнутрь дома по своим делам, непоседливые ребята опять полезли узнавать, что происходит на улице.

А на не самом безопасном участке города сегодня действительно было особенно неспокойно. Из-за поворота доносились человеческие крики и, кажется, Йоханесс даже слышал выстрелы. На самом деле, недовольная мать была права, когда загнала своё чадо подальше от неприятностей, но Ольсен, который раньше никогда не считал себя любопытным, понял, что ему действительно очень нужно узнать, что происходит.

Мужчина, решив, что терять ему уже, по сути, нечего, направился к источнику громких звуков.

– Мышка сама собирается прыгнуть в ловушку кота? – произнёс кто-то снизу скрипучим голосом. Возле кустов сидел улыбающийся человек в лохмотьях. Йоханесс невольно скрипел, догадываясь, что за человек этот незнакомец. На длинных худых руках, прикрытых тоненькой кофтой, красовались шрамы от шприцов. – Чувак, возле дома Дэвисов дежурит мафия. Попадёшься им под руку – пожалеешь.

– А чего ты тогда не прячешься? – фыркнул Йоханесс, повернувшись в сторону предполагаемого нахождения мафии.

– Они мои друзья, на самом деле. Зачем «Нации розы» трогать своих друзей? – человек хрипло рассмеялся самым омерзительным смехом из всех, которые только могла создать природа. Спустя пару секунд существо возле куста громко раскашлялось, а Йенс сделал несколько больших шагов в сторону, сморщившись от неприятного запаха, исходящего от наркомана.

Ольсен видел этого паренька раньше. Кажется, он по жизни вёл себя крайне странно и даже в какой-то степени противно. Но, как бы грустно это не звучало, мужчина привык, что все его соседи не отличались особой человечностью и адекватностью, сочетая в себе целый букет вредных человеческих привычек и дурных черт характера. Было трудно назвать истинный возраст собеседника, потому что он одновременно выглядел как на шестьдесят, так и на тридцать. В общем, определённо что-то между. Дряблое тело, худое лицо, бледная кожа, усыпанная язвами, мёртвый стеклянный взгляд – из-за подобных вещей назвать незнакомца красавцем действительно было очень трудно.

Однако внезапно пришло осознание. Парень говорил про «Нацию розу» или у Йоханесса уже начался конкретный сдвиг по фазе, включающий в себя звуковые галлюцинации и идиотские сны, в которых случайно или же специально, но независимо и обязательно появлялась Эрика?

– «Нация розы»? – переспорил Йоханесс, окинув взглядом своего вечно обдолбанного соседа.

– Да-а-а, – протянул парень. – Не слышал о такой? Ты странный, чувак, – выслушивать такое замечание от наркомана было не совсем правильно. Но, кажется, сам Дейтройт рушил представление о «правильном». Каждый второй житель городка отличался особым способом саморазрушения, мерзкой зависимостью, мразотным характером. Вероятнее всего, Йенс тоже медленно, но верно начинал вписываться в атмосферу грязи и разврата, находя себя вдохновлённым гангстерской ухмылкой. – В Детройте «Нацию розу» знают все, а каждый пятый житель города пострадал от её руки или задолжал Ричардсон кругленькую сумму.

Опять Ричардсон. Чёрт. Эрика была похожа на огромную ядовитую паучиху, которая плела красивую паутину вокруг города, благоухающую и липкую, яркую и привлекательную, обойти которую стороной было крайне трудно. Хотелось прикоснуться к переливающимся ниточкам, провести по ним рукой, повиснуть и стать жертвой. Может, быть мошкой, ожидающей смерти от лап паука, не так уж и плохо. Видимо, именно так думал каждый пятый житель Детройта. Выходит, Йоханесс ничем не отличается от других, никак не выделяется. Эрика вряд ли когда-нибудь сможет запомнить имя очередного клиента. Но ведь Ольсену не нужно внимание мафии, верно?

Мужчина сжимает челюсти: Эрика никакая не паучиха, она просто-напросто не может быть связана со всем этим миром мафии напрямую, во всем винить следует исключительно её мужа. Но, в таком случае, почему именно имя Ричардсон в который раз срывалось с уст собеседника при разговоре о «Нации розы»? Почему про Кристиана Эдвардса никто и не заикался, словно он всего лишь второстепенный персонаж истории? Обман, это всё обман, дурман, который мафия мастерски влиwała в головы глупых жителей. Женщине доверятся с большим удовольствием, чем мужчине. Йоханесс крайне старательно пытался убедить себя в этом.

– Ричардсон? – тихо произнёс Йоханесс, словно боялся, что обладательница этой фамилии тут же окажется перед мужчиной с револьвером в руках.

– Ага. Эрика Ричардсон. Она ненормальная. Говорят, она с детства умеет обращаться с оружием. Даже полиция у неё на коротком поводке! Но героин они перевозят зашибенный, так что мне похуй, – парень расплылся в широкой улыбке, даже слегка прикрыв глаза от внезапной радости.

Не правда. Не правда, это всё не правда. Жестокому и беспощадному Кристиану Эдвардсу было куда удобнее спихнуть всю вину на свою хрупкую прелестную жену. Это всего лишь хитроумный план, и столь прелестное создание на самом деле **не может быть** главой мафии.

– А... а Кристиан Эдвардс? – неуверенно спросил Йоханесс.

– О, то есть ты всё же кое о чём осведомлен? – глаза паренька вдруг загораются, и он взволнованно потирает ладони. – Кристиан Эдвардс – это её правая рука.

– Разве... разве не наоборот?

– Ты чего? – фыркает сосед. – Неужели ты один из тех идиотов, которые считают, что женщина не может быть главой мафии? Собственно, ладно... может быть, отчасти это и так, но Эрика... хах, поверь, она своего титула добилась более чем заслуженно. А вот этот кретин Эдвардс – всего лишь напыщенный индюк, который и в мафию-то попал тупо из-за того, что женил на себе Ричардсон. Никогда мне не нравился.

Парень корчит гримасу, демонстрируя своё отвращение, и уж в чём, а в этом Йоханесс с ним солидарен. Кристиан – личность крайне неприятная, но согласиться с тем, что за всё ответственна может быть именно Эрика, Ольсен никак не может. С каких пор он должен слушать какого-то наркомана? Мало ли он понимает в этой жизни. Спихнуть всю вину на несчастную женщину – как же это в характере мужчин!

– Я смотрю, ты лучше всех разбираешься в иерархии мафии, – с издёвкой фыркает Йоханесс.

– Не хочешь – не верь, – обиженно отзывается парень. – Вы все такие. Думаете, что раз я оказался в подобном положении, то ко мне можно даже не прислушиваться. А разве я виноват?

Сердце протыкает тоненькая иголочка вины. В действительно, Йоханесс ничего не знает об этом парне (как и об Эрике, собственно), разве имеет он право делать выводы и считать его хуже себя? Наркотики превращают мозг в кашу, так что как уж тут думать головой и сохранять трезвость мыслей?

– Ладно, я не хотел тебя обидеть, – с большим трудом вытягивает из себя Ольсен. В конце концов, если этот парнишка действительно имеет какую-то связь с «Нацией розы», то, быть может, хотя бы что-нибудь от него получится узнать.

На лице соседа вновь возникает счастливая улыбка, и обида тут же исчезает из чужих карих глаз. Вероятно, относились к нему на этой улице очень хуево, если даже вымученное доброе слово Йоханесса смогло обрадовать парня.

– Кстати, я Энтони Купер, – приветливым тоном произнёс новый знакомый кинемеханика.

– Йоханесс Ольсен, – буркнул себе под нос мужчина.

– Я всегда знал, что ты не местный, – радостно отозвался Энтони.

– Замечательно. Ты охуительный молодец, прямо умница, Тони, – язвительно проскрипел Йенс. Увидь его кто сейчас в этом обществе – и так низкая репутация опустится ещё ниже. – Однако, извини, мне пора валить.

– Мы ещё увидимся?

– Обязательно, Тони, – с нескрываемым сарказмом в голосе ответил Ольсен, уже направляясь в сторону дома Дэвисов, на который происходило нападение американскими гангстерами.

Halsey – Sorry

За поворотом находился небольшой деревянный домик. Он не мог похвастаться красивой отделкой, дорогими материалами, но можно было заметить, что хозяева следят за своим жильем. Однако понадобится ли им убежище от внешних непогод в дальнейшем? Возле крыльца стояла дорогая тонированная машина, внутри которой в развалку сидел водитель, покуривая папиросу. Около самого дома находилось трое гангстеров в шляпах с широкими полями и в длинных чёрных плащах. Одного из них Йоханесс узнал сразу: Кристиан. Твою мать! А что этот упырь-то здесь забыл?

– Мисс Ричардсон не любит, когда с ней шутят. Шутить здесь может только она, усёк? – слащавым голосом произнес Кристиан двери, за которой слышалась возня и крики.

Йоханесс прижался сильнее к стене, за которой прятался от всевидящих взоров мафии, и поправил очки, прищурившись, чтобы разглядеть лучше ситуацию, происходящую в оккупированном доме. Стёкла были заколочены досками, двери тоже, причём снаружи, что говорило о том, что жители стали жертвами в собственном родном обиталище. Один из мужчин в шляпах облил здание и траву возле него какой-то жидкостью, после чего поджог её. И тогда Ольсен понял, насколько может быть жестокой мафия.

Пламя быстро охватило пространство вокруг дома, жадно набрасываясь на доски и пожирая их, всё ближе приближаясь к несчастным людям, застрявшим в доме. Гангстеры курили толстые папиросы и переговаривались, пока семья умирала в муках и агониях. Из окон высунулись другие жители. Каждый хотел помочь, совесть терзала душу каждого, однако никто не решался подойти к вооруженным мафиози из «Нации розы». Да и было это уже бесполезно. Блядство, какое же блядство! Йоханесс осел на землю, схватившись за голову. Что такого сделали эти несчастные люди, что этот конченый Кристиан самолично решил их так жестоко убить? И после этого люди смеют говорить, будто бы Эрика сущее зло? Да вы вообще видели её мужа?! Ебанный ублюдок. Как часто он развлекается такими вот прогулками?

Единственное, что испытывал Йенс – это жалость к жертвам и ненависть к Кристиану и всем его приспешникам. Где-то в глубине разума крутилось осознание того, что и сам Ольсен стал пленником коварства и гения мафии. И мужчина плевать хотел на свою жизнь, но вот Оливер, разве он должен был расплачиваться за грехи отца?

Йоханесс поднялся на ноги и направился прочь от горящего дома, прочь от гангстеров, которые уже садились в машину, чтобы уехать отмечать очередное успешное дело. Эрика... и

всё же, насколько сильно ты вмешана в происходящее? Являешься ли ты его частью? Действительно ли ты занимаешь должность главы и отдаёшь приказы?

Ольсен очнулся лишь перед быстрой рекой, текущей куда-то вперёд в своём направлении. Она целеустремлена к определённой точке, к своему озеру, до которого определённо доберётся в конечном итоге. А что Йоханесс? Он лишь заблудившаяся душа, не понимающая, куда двигаться и что делать.

– Иди нахер, Кристиан Эдвардс, – прохрипел Йенс, доставая из кармана брюк сложенную несколько раз бумажку, с которой на мужчину смотрела обворожительная мафиози, запрятав свое лицо в мягких волосах. Она печально улыбалась, томно прикрыв глаза. Художник провёл по бумаге большим пальцем, представив, что гладит не нарисованное изображение, а кожу. – Иди нахер, Эрика Ричардсон!

Кем бы она ни была, где бы она ни была – пусть исчезнет из разума, пусть больше нигде и никогда Ольсен не услышит её имя, не увидит её бирюзово-ядовитые глаза. Он не хотел думать, связана ли Эрика с мафией, не хотел ломать голову, сомневаться и бояться. Всё, чего хотел Ольсен – сбежать подальше от этого места, исчезнуть. С одной стороны, Эрика действительно может быть той самой жестокой убийцей, про которую все говорят и которую все боятся.

– Блядь. Блядь. Блядьблядьблядьблядьблядь, – Йенс принялся ожесточённо рвать бумагу на куски, после чего выкинул всё в воду. – Ты мне не нужна, – заключил мужчина, после чего развернулся спиной к реке.

С другой стороны, вот она, Ричардсон. Такая красивая и необычная, талантливая и аристократичная, загадочная и непонятная, заботящаяся о своих близких. Ведь никто не мог сказать, что на самом деле лежит на душе у Эрики. Мафиози – одна сплошная загадка, найти ответ к которой может только самый умный и талантливый человек на свете. Но, разумеется, никто не станет злом просто так.

...

Домой мужчина вернулся под вечер. Дверь легко поддалась на слабый толчок. Йенс подумал о том, что стоило бы отругать Оливера за халатность и безответственность, но настроения разговаривать с кем-либо, а тем более отчитывать кого-то, совершенно не было. Все мысли кружились вокруг одной загадочной женщины, что непроизвольно высасывало все соки и всю жизнь из мужчины. Он уже не мог ни о чём думать, но продолжал, тратя последние остатки энергии.

Из гостиной доносились голоса, причём их было несколько, следовательно, Оливер был дома не один. Йоханесс нахмурился и на ватных ногах неохотно поплелся в комнату. На диване сидел разбитый Гловер, а возле него бегала взволнованная Эльфрида. И, честно говоря, Ольсена сразу начало тошнить только от вида этой «сильной и настоящей любви».

– Ночь на дворе. Чё вам резко стало нужно? – недовольно спросил Йоханесс, заползая в комнату.

Оливер, сидящий на кресле, испуганно посмотрел на отца. Юноша дрожал, словно от холода, но красноречивый взгляд выдавал сильные эмоции. Ольсен сразу заподозрил неладное, решив, что если Расмуссена кто-то обидел, то этому кому-то мало не покажется.

– Где ты шлялся? – грозно произнесла Эльфрида, поставив руки на бока.

– Ой, это вы меня всё это время ждали? – Йенс широко улыбнулся, плюхаясь прямо на пол.

Гловер прокашлялся, привлекая всё внимание на себя. Не трудно было догадаться, что Томсон сейчас произнесёт что-то очень важное и, видимо, не слишком-то и приятное. Прекрасно, Йоханесс до жжения в сердце обожал плохие новости. Фрида заботливо взяла предпринимателя за руку, что вновь неприятно ужалило Ольсена.

– Я банкрот, Йоханесс, – тихим разбитым голосом произнёс Гловер.

– Чего? – удивился Йенс, не веря своим ушам.

– У меня больше нет денег. Теперь я никто, – слабо продолжил Томсон. – Мы в дерьме по самые уши.

Глава 5. Я и есть беда

Застываю рядом с мраморной колонной.

Удивляюсь: почему не убежал.

Я холодный.

Я холодный.

Я холодный...

Улыбаешься в ответ:

«А я – пожар...»

© Роберт Рождественский

Bones – Die for me

Быть невидимкой, когда тебя не видят даже твои родственники – тяжело. Быть человеком, который узнает все новости, связанные, между прочим, с твоей жизнью самым последним – больно. Быть неожиданным ребенком и знать лишь одного из двух твоих родителей – печально. Быть Оливером и чувствовать распространяющееся по венам одиночество – невыносимо.

Юноша стеклянными глазами наблюдал за разрухой, происходящей в комнате. Отец и дядя кричали друг на друга, в то время как Эльфрида беспомощно металась от одного огня к другому.

– Какой нахуй банкрот? Как? Какого хера ты сказал это только сейчас?! – поднявшись с пола, прокричал Йоханесс.

– Он не виноват, Йенс! Он не знал, что так получится! – завершала Эльфрида, пытаясь защитить Гловера от разрушительного гнева Ольсена.

– Завались, Фрида. Это не твоё дело, – огрызнулся мужчина, тем самым глубоко задев подругу.

– Ты не можешь срывать свою злость на Эльфриде, – устало вздохнул предприниматель. – Извинись перед ней.

– Сам извиняйся перед своей подстилкой!

Девушка ошарашенно посмотрела на Йоханесса, совсем потерявшись в происходящем. Мужчина и сам выпучил глаза на подругу, словно до последнего не верил, что смог произнести такие слова.

– Иди в жопу, Йоханесс Ольсен, – тихо сказала Эльфрида, делая несколько шагов в сторону художника. – Ты не имел никакого права так грубо говорить обо мне. Я всегда отношусь к тебе с добротой и стараюсь помочь, но, кажется, тебе всё равно. Ты конченный эгоист.

Раздался звонкий шлепок от удара по щеке. Йенс тут же схватился за ушибленное место, в то время как Эльфрида резко развернулась и вышла из комнаты, а потом и из дома, если судить о хлопнувшей двери в коридоре.

– Твои родители очень умные и приличные люди, – покачал головой Гловер. – Но ты идиот. Честное слово, я никогда ещё не видел таких идиотов. Ты решил развалить всё и сразу? Хотя тебе даже стараться не нужно. Всего через пару дней тебе начнут угрожать. Эрика Ричардсон не прощает долгов.

– Плевать я хотел на твою Ричардсон и на всю её «Нацию розы», – отрезал Йоханесс.

– Правда? Тогда не моли её о пощаде, когда она сожжёт твой дом, убьёт всех, кто тебе дорог, и подвергнет тебя, разрушенного и сломленного, страшным пыткам.

– Почему ты говоришь так, словно это я виноват в том, что ты банкрот? К слову, боюсь, тебе она тоже не сможет простить должок. Умирать мы будем вместе, – проскрипел мужчина.

– Я тоже не виноват! Я вообще не понимаю, как так вышло. Всё было нормально, под контролем, а потом... что-то оборвалось в один момент!

– Ага, прямо так и оборвалось, – скривился Ольсен.

– Да!

– На самом деле, это ты виноват. Ты не мог проследить за своими бабками?

– Йенс, это не так работает!

– Нет, ты безмозглый еблан, который заключает сделки с ганг-

– Всё, достаточно. Заткнись, – Гловер закрыл лицо рукой. – Ты не в себе, Йоханесс. Нам нужно решать проблемы, а не орать друг на друга. Но сегодня ты не в себе. Поговорим позже. Пока.

Мужчина поднялся с дивана и вышел из дома под прожигающий взгляд Йенса. Комната ненадолго погрузилась в полную тишину. Взгляд Ольсена уже не был горящим и злым. Он печальными глазами смотрел на пол, нахмутив лоб, словно размышлял о чём-то невыносимо тяжёлом.

– Пап, что происходит? – тихим голосом произнёс Оливер, тем самым обратив всё внимание отца на себя.

Йоханесс прикусил щеку и скривился, а Оливер даже не удивился тому, что про него, видимо, опять забыли.

– Я не хочу, чтобы ты волновался об этом, – Ольсен подошёл к сыну и сел возле него на диван. – Но, наверное, я должен тебе сказать. Я надеюсь, что ты уже взрослый парень, ты поймёшь.

– Я пойму, да, – дрожащим голосом пролепетал Оливер. Он действительно осознавал, что с переездом в Детройт многое изменилось.

Взять хотя бы в пример то, что в Свендбурге парень никогда не чувствовал себя одиноким, потому что из Дании семья уехала после смерти родителей Йоханесса, которых Расмуссен очень любил. Бабушка Вивьен заменяла Оливеру женскую заботу и нежную ласку, которой парень никогда не знал от своей матери, более того, старая женщина рассказывала интересные истории и всегда лично занималась образованием и воспитанием единственного внука. Дедушка Ульрик казался неразрушаемой, сильной и мудрой личностью, которая на своём веку пережила немало несчастий. Однако смерть жены фактически уничтожила старшего Ольсена – он скончался спустя год после любимой.

А ещё Оливер любил Данию, потому что там у мальчика ещё был настоящий отец, с которым сохранилось так много тёплых воспоминаний, до сих пор греющих сердце и обеспечивающих веру в хорошее. Йоханесс сильно изменился после того, как лишился родителей. Расмуссен знал, что мужчина пережил много разочарований и расстройств, но самым сокрушающим событием стала именно потеря двух самых близких людей. Пускай Ольсен никогда не признавал свою слабость и никак не демонстрировал её внешне, но Оливер знал, чувствовал, что отцу тяжело, тяжелее, чем самому юноше.

– Скажем так: я и твой дядя вляпались в полное дерьмо, от которого теперь некуда бежать, – тихо произнёс Йоханесс. – Я не знаю, что будет дальше, но, Олли, я буду делать всё возможное, чтобы уберечь тебя.

– Это из-за твоей астмы? – прикусил губу Оливер, чувствуя, как в глазах накапливается солёная вода.

– Да, наверное, – вздохнул мужчина.

На этом диалог прервался. Парень сидел, затаив дыхание, и смотрел на задумавшегося о чём-то отца, ожидая продолжения рассказа и хоть какого-нибудь полного объяснения. Олли знал, что Йенс всегда будет воспринимать своего сына как маленького мальчика, потому что парень на самом деле таковым и являлся. Он плакал, когда должен был быть сильным, он пря-

тал голову в песок, не имея возможности постоять за себя и за близких людей. Оливер действительно тот ещё ребёнок; чем он поможет разобраться взрослым с их сложными проблемами?

– Я не хочу быть тем же, кем стала твоя мать. Я не хочу быть предателем по отношению к тебе, – прошептал Ольсен.

Юноша крепко сжал руки в кулаках, когда услышал упоминание родительницы, которую Оливеру за всю свою жизнь удалось видеть лишь пару раз: в самом раннем детстве. В голове парня не отпечатались даже образ женщины, он не представлял даже примерно, кто она такая. Йоханесс не любил говорить об Иде, Вивьен и Ульрик тоже предпочитали молчать, поэтому Расмуссен до сих пор знал о своей матери лишь то, что она существует, что она вроде как ещё жива и что она бросила отца и сына на произвол судьбы, убежав за своей мечтой.

– Я сделал это ради тебя, понимаешь? – Йоханесс скривился. – Но я не знал, что всё обернётся таким образом. Нам не всегда хватало денег тебе на учебные принадлежности, а мое лекарство стоит в разы дороже. Гловер предложил помощь после того, как очередной приступ загнал меня в больницу. Я думал о том, что будет с тобой, поэтому согласился. Но эта его помощь... да, она была бы потрясающей, если бы он не разорился и успел бы заплатить деньги. Теперь мы должны крупную сумму одному ублюдку, – выплюнул мужчина, после чего поднял взгляд на сына, язвительно улыбаясь.

– Он хочет вас убить? – испуганно просипел Оливер, приложив руки к груди.

– Не знаю, что он и его пассия теперь будут делать. Но явно ничего хорошего.

Йоханесс замолчал. Он откинулся на спинку дивана и равнодушным взглядом посмотрел в потолок, расчерченный старыми трещинами. Расмуссен неподвижно сидел на своём месте, пытаясь осмыслить сказанное.

«Ублюдок» – это мерзкий предприниматель, в кругу которых крутился дядя Гловер? Или же он принадлежал к числу людей, о которых не пишут в газетах и не говорят по радио, но о которых знают в каждом квартале, которых шумно обсуждают в каждом баре, отрицая свой страх, но на самом деле вынашивая его у себя в сердце?

Отец ввязался в это, потому что не хотел оставить Оливера одного. Это признание раз за разом прокручивалось в голове, в конце концов, подавив все негативные мысли. Они всё ещё семья, пускай совсем не идеальная. Йоханесс всё ещё заботится о своём сыне и жертвует всем ради него, а парень... он готов поддерживать и бороться за то, чтобы мужчина никогда не опустил руки.

Оливер нежно улыбнулся, чуть подвинулся ближе к отцу и крепко обнял его. Ольсен растерянно опешил, но в итоге прижал сына к себе, погладив рукой по голове.

– Бабушка говорила, что рядом с семьёй мы всегда сильнее, чем есть на самом деле. Пап, ещё не всё потеряно. Давай я устроюсь на работу? Некоторые берут к себе подростков. Я понимаю, что платить много мне никто не будет, но, если откладывать с каждой зарплаты, мы справимся. Лекса может мне помочь устроиться, она сама где-то работала летом. А ещё я могу подтягивать учеников в школе. И дядя Гловер что-нибудь наскребёт, если постарается. И Эльфрида точно захочет помочь, тем более, если ты извинишься перед ней. Пап, мы справимся!

Йенс смотрел на сына, широко улыбаясь, с какой-то необъяснимой для Оливера нежностью в глазах.

– Я не успел заметить, когда ты так сильно повзрослел, – выдохнул мужчина.

– Ты прав. Мы справимся, если не будем опускать руки, – после небольшой паузы Ольсен хитро прищурился. – Кто такая Лекса?

– Моя подруга, – смущённо отозвался парень, представляя, какие мысли сейчас крутятся в голове отца.

– Почему я слышу про неё первый раз в жизни?

– Я... пап... мне... мне нужно спать. Завтра рано в школу. Спокойной ночи, – протараторил Оливер, после чего спрыгнул с дивана и убежал в свою комнату, на что Ольсен лишь ухмыльнулся.

...

Melanie Martinez – Cry Baby

Весь последующий день Оливер провел в серьёзных размышлениях по поводу организации своего времени. Он почти не занимался на уроках, что не ускользнуло от пристального взгляда учителей. Но Расмуссен в целом учился достаточно хорошо, поэтому небольшую рассеянность ему, к счастью, простили, ссылаясь на усталость мальчика.

Оливер прекрасно знал, что в классе были ученики, у которых была целая гора проблем с успеваемостью и которые были заинтересованы в том, чтобы исправить свои оценки. Юноша даже примерно представлял, к кому мог подойти и предложить помощь, но каждый раз, когда Олли задумывался о социальном контакте с одноклассниками, его коленки начинали предательски дрожать. Что делать с работой парень тоже не знал. Внушать отцу уверенность вчерашним вечером было гораздо проще, чем днём спрашивать Лексу о том, может ли она устроить куда-нибудь своего друга. В голове продолжала крутиться мысль о том, что парень потребует от девушки невозможного.

Во время одной из больших перемен Оливер сидел во дворе школы на скамейке возле старой клумбы, выводя на листке бумаги возможные варианты по заработку денег. Почему-то в голове невольно всплыл урок литературы, на котором Молли получила позорную D+, потому что никогда не умела писать сочинения, гораздо лучше разбираясь в сложных математических предметах. А вот Расмуссен наоборот знал несколько правил, которые всегда помогали ему справиться с заданием. Может быть, это шанс?

Окрылённый своими мыслями, Оливер поднялся со скамейки и направился на поиски Фостер, которая на этой перемене обычно сидела возле самого дальнего дерева во дворе и увлечённо читала какую-нибудь милую книжку.

И действительно, Молли сидела на пожухлой траве и держала в руках роман в красивой обложке, но не читала его. Девочка растирала по щекам солёные слёзы и тихо всхлипывала, вероятнее всего, всё ещё переживая из-за оценки по сочинению. Сердце Оливера невольно сжалось, что оно делало каждый раз, когда Молли пряталась за этим клёном и плакала, а Расмуссен никогда не находил в себе сил подойти и утешить. Но получится ли у парня стать сильным, если он не может даже поддержать девочку, в которую влюблён? А Олли сейчас необходимо вырасти из затянувшегося детства и стать лучше.

– П-привет, М-молли, – дрожащим голосом произнес юноша, осторожными шагами приближаясь к девочке, чтобы не напугать её.

Фостер резко вспыхнула алым пламенем и закрыла личико руками, пытаясь скрыть пальцами минуты слабости. Она испуганно смотрела на одноклассника своими большими зелёными глазами, часто моргая, пытаясь согнать противные слёзы.

– Из-из-звини, пожалуйста, что н-напугал тебя. Я не хотел, ч-честно, – прямо сейчас Оливер почувствовал себя самым настоящим дураком. Вероятнее всего, Молли совершенно не хотелось, чтобы её кто-нибудь увидел в таком состоянии. Едва ли она теперь станет доверять Расмуссену, да и вообще, вероятнее всего, не захочет больше его никогда видеть.

– Это ты меня извини, – тихим мелодичным голосом отозвалась девушка. – Мне стоило уйти в другое место, не такое публичное, как школьный двор, – Молли поникла и опустила голову. Она была похожа на нежный цветочек, который из-за того, что его долгое время не поливали, медленно погибал от жажды.

– Н-нет, Мол-л-ли! – чересчур эмоционально воскликнул Оливер. – Это т-твое место, ты имеешь право здесь находиться...

– Моё место?

Расмуссен больно прикусил губу и перевёл взгляд на свои туфли. Чёрт, теперь она думает, что парень следил за девочкой.

– Я-я пр-росто видел, что т-ты тут сидишь на перем-менах. Извини, я д-думаю, ч-что мне лучше уйти, – Оливер резко развернулся и, закрыв горящие щёки руками, направился прочь, чувствуя себя полным дураком, которому, конечно же, совершенно не стоило подходить к Молли. Кто Расмуссен рядом с ней?

– Подожди, Олли! – тихо позвала Фостер.

Парень обернулся и, напряжённо кусая костяшки пальцев, осмелился поднять глаза на неё. Молли поднялась с травы и сделала несколько шагов в сторону юноши, крепко прижимая к груди свой роман. По её розовым мягким щёчкам была размазана вода, а глаза были красными от слёз. Однако Оливер всё ещё считал, что эта девочка – самое восхитительное создание на всём белом свете.

– Ты, кажется, хотел что-то сказать?

– Я х-хотел помочь тебе, но в-всё ис-спортит, – парень снова опустил голову вниз.

Молли медленными шажочками подошла к Оливеру на непозволительно близкое расстояние.

– Помочь?

– Т-ты т-так расстроилась, – кивнул головой Расмуссен.

– Я не отказываюсь от твоей помощи. Она действительно мне нужна.

– Ты н-не злишься? – юноша посмотрел на девочку, которая теперь уже широко улыбалась, вытирая рукавом вязаной кофточки слёзы со щёк.

– На что? Ты первый одноклассник, который предложил мне помощь. Ты можешь в четверг после школы? Мы могли бы пойти в парк.

– К-конечно, – просипел Оливер в ответ.

– Чудесно! Мама очень обрадуется, – девочка легко обняла парня и убежала прочь, услышав звонок на урок.

А вот Расмуссен опоздал на занятие на целых двадцать минут, потому что ещё долго не мог успокоить бешеное сердцебиение. Внутри все пело и трепетало. У Оливера получилось обратить на себя внимание Молли? Но вряд ли парень будет брать с девочки деньги, так что можно считать, что юноша всё ещё не сделал ничего прибыльного за сегодняшний день. Хотя, вообще-то, неважно. Ничто не имеет значения, кроме её зелёных глаз!

...

Stained – So Far Away

– Знаешь что, мистер Оливер Расмуссен? Ты очень странный сегодня, – хмыкнула Лекса, пытаясь тем самым обратить на себя внимание опять утонувшего в своих мечтах парня. – Если это Молли убивает в моём друге здравомыслящего человека, то мне придётся с ней поссориться, знаешь ли.

Последний школьный урок закончился всего пару минут назад, поэтому теперь Оливер вместе со своей подругой направлялись к выходу, чтобы наконец-то покинуть здание и вернуться домой.

– Нет, дело не в ней, – тут же оживился Расмуссен, прекрасно понимая, что Лекса не шутит. – У нас небольшие семейные проблемы.

– О, и почему мы молчим? С чем они связаны? – нахмурилась девушка.

– С деньгами, – вздохнул Олли.

Лекса резко остановилась, поставив руки на бока, недовольным взглядом всматриваясь в замершего рядом друга.

– Эй! – театрально взмахнув руками, воскликнула девушка. – Для чего тебе я, мой друг? Помнишь, я говорила, что устроилась официанткой в бар без ведома родителей? Конечно, платят там не слишком много, но моя зарплата увеличивается с каждым месяцем. Знаешь,

это местечко открылось совсем недавно, поэтому они берут туда всех, кому не лень. Могу замолвить за тебя словечко. Станешь барменом.

– Лекса, ты с ума сошла? Я даже никогда не видел напитки, которые они делают! – ужаснулся Оливер.

– Ой, перестань, – закатила глаза девушка. – Я же тебе сказала: это новое заведение! Всему научат. Олли, ты струсил? Это совсем не трудно.

Расмуссен тяжело вздохнул, прекрасно понимая, что у него нет других вариантов. Он не в том положении, чтобы выбирать и воротить нос от предлагаемой работы.

– А как это происходит? И... и когда?

– Олли, когда открываются все бары и клубы? – недовольно протянула Лекса. – Вечером, конечно! По выходным, так что школу не проспичь, заучка. Единственное, что может тебя смутить – это алкоголь, который ты будешь продавать взрослым дяденькам, – девушка хитро прищурилась. – Вероятнее всего, это та работа, которой тебе не стоит хвастаться папе. Вероятнее всего, мальчику Олли придется уходить из дома без разрешения.

Расмуссен громко проглотил образовавшийся в горле ком. Парень привык рассказывать своему отцу практически всё, никогда не укрывая от него никаких серьезных вещей. А тут Оливеру придётся врать и прятать много тайн. А ещё юноше придется сильно рисковать, потому что бар по своему определению – место, не славящееся репутацией сказочного домика. Вероятнее всего, у Олли возникнет много проблем. Но он ведь делает это всё на благо семьи, верно?

– А если... у меня не получится...

– Слушай, мальчик! – возмущённо прикрикнула Лекса. – Ты общаешься с профессионалом! Мои родители до сих пор не знают и половины всех моих гениальных деяний, а они страшные люди. Так что с твоим отцом у нас вообще проблем не возникнет. Я всё придумаю и со всем разберусь, – девушка гордо задрала нос. – Ой, кстати, для посетителей, работников и начальства я – Салли Смит. Ну знаешь, чтобы никто ничего не заподозрил.

– Хорошо, я запомню, мисс Салли Смит, – усмехнулся Оливер.

– Тебе я тоже предлагаю «поменять» имя. Знаешь, чем меньше они о нас знают, тем нам с тобой лучше.

– Как скажешь.

Мог ли Оливер когда-нибудь подумать, что станет добровольно работать барменом в недавно открывшемся баре для отчаянных разбойников и отчаявшихся мужчин и женщин? Что бы сказала бабушка, если бы узнала, во что ввязался её дорогой и любимый внук? О, вероятнее всего, она бы обвинила во всём Йоханесса, потому что у отца с его матерью были напряжённые отношения. В любом случае, это было решение Оливера, взрослое и точное, так что теперь он в ответе за свои поступки.

– Тебя сегодня забирают на машине? – спросил Расмуссен, открыв школьные ворота и пропустив Лексу вперёд.

– Да, доверие матери ко мне уменьшилось. Она боится, что я куда-нибудь опять убегу. Или что меня до дома проводит какой-нибудь парень, – надулась девушка. – Я бы попросила Роберта довезти и тебя, но ты знаешь, что этот придурок каждое моё действие докладывает прямиком наверх, родителям.

– Да, знаю. Ничего страшного, – Оливер подбадривающе улыбнулся. – Я рад, что ты есть.

– Убери в сторону эти телячьи нежности, мальчишка! – вскрикнула Лекса, эмоционально взмахнув руками. – И катись, катись, пока на тебя не обрушился гнев богов за твоё омерзительное поведение!

Расмуссен искренне рассмеялся и действительно бросился прочь, в сторону остановки общественного транспорта, чтобы добраться оттуда до дома.

– Беги быстрее, любая девчонка может тебя обогнать! – продолжала кричать подруга где-то вдалеке. – Но я тоже рада, что ты есть, – шёпотом продолжила девушка, когда Оливер уже почти скрылся за горизонтом.

...

Panic! At The Disco – Nicotine

Вставать ночью от настырной трели телефона – это, скажем так, не самое любимое занятие Йоханесса. Изначально мужчина страстно желал проигнорировать звонок, но человек на том конце провода продолжал настаивать на своем. После семи минут мучений Ольсен не выдержал и сдался, кое-как разлепив глаза и включив лампу. Он мучительными шагами добрался до несчастного разрывающегося телефона и поднял трубку, лениво поднеся её к уху.

– Соберись и выйди на улицу. К твоему дому подъедет чёрный Chevrolet. Садись туда и подчиняйся всему, что тебе приказывают, – прошипел кто-то Йенсу, после чего резко прервал телефонный звонок.

Спустя несколько минут замешательства Ольсен понял, что оно началось. Да-да, мафия уже запустила чёртов механизм отмщения за невозможность закрыть долг. Это конец, теперь бежать некуда. Если Йенс воспротивится, то гангстеры ворвутся в дом и возьмут его силой, а Ольсен всё ещё лелеял надежду, что сможет хоть как-то уберечь Оливера от всего этого кошмара.

И всё-таки, пусть жертвой будет Йоханесс. Он не особо держался за эту жизнь, во всяком случае, был готов отдать её ради близких людей. Если потом Эрика (или Кристиан?) уговорится и не будет трогать Гловера, Эльфриду и Олли, то всё произойдёт не зря. Расмуссен не останется один, потому что Йенс до последнего надеялся, что дядя не бросит своего племянника. Хотя, наверное, Ольсена бы не стали вывозить подальше от дома, чтобы банально убить его. Кто знает, что творится в голове Ричардсон? Может быть, мужчина нужен ей для других целей?

Йенс быстро оделся, написал сыну записку, где соврал о срочном вызове на работу, после чего вылетел на улицу, где под окнами уже стоял чёрный автомобиль. Ольсен неуверенными шагами двинулся вперед, пытаясь растянуть минуты между жизнью и смертью.

– Быстрее! – раздался громкий голос из машины.

– Не указывай мне!

Однако Йоханесс всё-таки решил повиноваться и быстро залез в машину на заднее сиденье. С правой стороны на диване сидел гангстер, который тут же потянулся к мужчине, держа в руках чёрную ленточку.

– Наклонись, – приказал мафиози, после чего завязал Ольсену глаза, перед этим стащив с мужчины очки.

– Зачем это? – недовольно спросил Йенс, не сопротивляясь.

– Я бы с удовольствием заклеил тебе ещё и рот, однако босс просила не злоупотреблять твоей беспомощностью, – гаденько усмехнулся в ответ незнакомец.

– Твой босс учил тебя вежливости, мудак? Я не разрешал тебе обращаться ко мне на «ты», – язвительно прошипел Йоханесс.

– Уж не знаю, нахуя ты так понадобился боссу, но я бы пристрелил тебя с большим удовольствием, – прошипел гангстер, вытащив свою пушку и приставив ее к лицу мужчины. – Босс приказал не убивать тебя, но она ничего не говорил про легкие ранения. Ещё одно слово – и ты, клянусь Богом, попробуешь порох моего пистолета.

Ольсен мерзко улыбнулся и послушно замолчал, утомившись разговором с шестёркой. Мимо его ушей не прошло обронённое местоимение «она». Выходит, инициатором данного ночного похищения являлся не Кристиан. В груди поселилась странная надежда. Йоханесс успел заметить, как Эдвардс разбирается со своими должниками, быть может, у Эрики другие методы? Думать об этом слишком глупо и наивно, но, возможно, Ричардсон пощадит их?..

Весь оставшийся путь мужчина покорно молчал, ожидая остановки. Внутри нарастало чувство беспокойства. Йоханессу определённо не шла роль героя, он волновался, потому что, как и все нормальные люди, боялся смерти и опасности. Может быть, где-то глубоко внутри Ольсен осознавал, что его коленки начинали трястись банально от осознания того, что через несколько минут мужчина может встретиться лицом к лицу с Эрикой.

– Вылезай, идиот, – фыркнул уже знакомый голос гангстера, когда автомобиль остановился. – Шаг в сторону – расстрел, ясно?

Йенс, стиснув зубы, кивнул головой и на ощупь вышел из машины. Его тут же схватили под руки и потащили куда-то вперёд, заставив подниматься по небольшой лестнице, проходить через дверь, по всей видимости, в здание, в котором, в отличие от прошлого места встречи, не пахло плесенью, пылью и сыростью. Может быть, за этим домиком даже ухаживали? Может быть, это здание полноценно принадлежало мафии?

Один из гангстеров постучался в находящуюся впереди дверь, когда небольшая процессия остановилась.

In This Moment – A Star-Crossed Wasteland

– Босс, мы притащили его, – гаркнул мафиози.

– Прекрасно, – раздался мягкий женский голос за дверью. Сердце в груди Ольсена невольно вздрогнуло. – Затащи его сюда и уходи.

– Но босс! – взвыл гангстер.

– Vafa Napole⁴. И быстро, – с ноткой раздражения в голосе продолжал голос из-за двери. – Чтобы не видела и не слышала.

Мафиози шумно вздохнул, после чего послушно открыл дверь и неосторожно пнул Йоханесса вперёд.

Сам Ольсен, несмотря на такое обращение к собственной персоне, теперь был тише воды и ниже травы, боясь лишний раз пошевелиться, чтобы случайно не разозлить криминального босса, с которой сейчас находилась в комнате, но всё ещё не мог видеть из-за повязки на глазах. Раздался удар закрывающейся двери, после чего уходящие шаги.

– Piacere⁵, мой друг, – протянула Эрика сладким голосом, вызывая по коже Йоханесса тысячу мурашек. – Можешь развязать ленту, она больше не нужна.

Йоханесс послушно, но медленно стащил с себя чёрную ленточку, кинув её куда-то в сторону, и только потом неохотно разлепил глаза, тут же прищурившись из-за яркого света. Мужчина прекрасно знал, в какой части комнаты находится Эрика, но смотреть на неё совсем не хотелось. Ольсен достал из кармана куртки свои очки и надел их на нос, принявшись разглядывать интерьер помещения, в котором оказался.

Комната была небольшой и находилась, вероятнее всего, в покинутом полноценными хозяевами доме, однако можно было заметить, что за зданием всё-таки кое-как ухаживают. Правда, со стен свисали порванные обои, а занавески на окнах были заштопаны по несколько раз. На полках старого шкафа, стоящего возле стены и прикрывающего трещину на ней, находились разные причудливые статуэтки, хотя некоторые из них были очень даже пугающими, например, фигурка женщины с вырванными глазами и сердцем. Также на полках были взвалены огромные стопки бумаг, некоторые из которых пожелтели от старости и сырости. Возле большого окна, закрытого занавесками, стоял деревянный стол, на котором так же было полно всяких документов, записок и писем. С другого края стоял красный бархатный диван и кофейный столик, на котором находилась единственная в комнате свеча, благодаря чему помещение было погружено в полумрак. Но смотреть в эту часть кабинета Ольсен не хотел, потому что на мягкой ткани расположилась сама Эрика.

⁴ Иди в Неаполь; слэнг итальянской мафии

⁵ Рада тебя видеть; слэнг итальянской мафии

– Йоханесс, посмотри на меня, – нетерпеливо произнесла мафиози.

Йоханесс с большой неохотой перевел взгляд на женщину, которая пафосно развалилась на диване, держа в руках бокал, наполненный бордовым вином. Эрика таинственно ухмылялась, прикрывая свои бирюзовые глаза. Изъяны её лица вновь прятал толстый слой пудры, но Ольсен всё ещё помнил очаровательный шрам, пересекающий бровь и до неправильности пухлые губы. При таком освещении лицо Ричардсон казалось мертвенно-бледным, словно у мраморной статуи, над внешним образом которой работали самые искусные мастера. Тёмные ресницы вздрагивали от спокойного дыхания, которое Йоханесс отчётливо слышал сквозь тишину комнаты. Мафиози примкнула губами к бокалу вина, сделав несколько небольших глотков. По подбородку стекла красная капля, а Ольсен уже забыл, как дышать и совершенно потерялся в пространстве и времени, словно Эрика, так красиво пьющая вино, грациозно сжимающая тонкими длинными пальцами бокал – это настоящее искусство, шедевр, увидеть и понять который могут лишь избранные.

– Ты так смотришь, словно увидел восьмое чудо света, – усмехнулась Ричардсон, странно сверкнув глазами.

Йоханесс быстро отвёл взгляд от мафиози на бархатный диван, почувствовав, как к щекам зачем-то прилила кровь, а руки задрожали, поэтому мужчина решил засунуть их в карманы брюк.

– Мисс Ричардсон, – осипшим голосом начал Ольсен, взяв себя в руки. В самом деле, он же пришёл сюда не для того, чтобы Эрика так жестоко издевалась над ним, теща свое самолюбие! – Зачем я вам понадобился?

Ричардсон слегка прищурилась, улыбнувшись ещё шире, словно наслаждаясь непониманием Йоханесса и жадно питаясь его страхами. Кто знает, может быть мафиози действительно доставляло удовольствие знание о том, что в маленьких гниющих домиках в уголках сидят зашуганные люди, с болезненно ускоренным биением сердца ожидающие звонка в дверь. Кто она такая? Талантливая актриса и глубоко несчастная женщина или настоящая глава мафии?

– Когда ты был пьян, ты вёл себя более естественно, – внезапно поменялась в лице Ричардсон, надув губы и щеки, словно обиженный ребенок, которому не досталась игрушка. – Подойди ко мне. Я налью тебе вина! – приказала Эрика.

– Спасибо, я не хочу, – с ноткой раздражения в голосе отозвался Ольсен. – Мне кажется, вы позвали меня не для того, чтобы пить вино с простым смертным.

Однако мафиози уже налила в ещё один хрустальный бокал, подготовленный на столе заранее, несколько капель вина, не забыв при этом добавить волшебной жидкости и себе.

– Ты, кажется, забыл, с кем разговариваешь, *safo*⁶, – уже более серьёзным тоном произнесла Ричардсон, намеренно понизив голос, чтобы казаться еще более устрашающей.

И почему Ольсен её так испугался? Прямо сейчас Эрика вела себя как маленький ребенок с дурным капризным характером, не умеющая сдерживать себя и свои глупые желания. Всё верно, эта женщина не может быть главой мафии – она всего лишь глупышка, может быть, такая же, как та куколка Анджелль Андерсон. Может быть, ей даже нравится услуживать своему богатому красивому и жестокому мужу. Слишком много предположений и загадок – Йоханесс начинал путаться.

– Ты прав, я позвала тебя не ради того, чтобы угощать тебя дорогим вином. Я позвала тебя для того, чтобы проверить одну примечательную вещь, —оскалилась мафиози, а в её глазах заплясали чертята. – Клянусь тебе, я хотела тебя убить. Я думала об этом. Однако, взвесив все «за» и «против» я решила, что это глупая затея. Понимаешь ли, Йоханесс, я во всём стараюсь искать выгоду. Ты болен астмой, значит, твои органы повреждены, не здоровы. К чему мне мусор, которого у меня и так полным-полно?

⁶ Мужлан; слэнг итальянской мафии

Ольсен невольно вздрогнул, представив, как Эрика маленьким ножичком вырезает из груди какого-нибудь парня или прекрасной девушки сердце, безумно хохоча. Ей не шёл этот образ, чертовски не шёл! Она не может быть убийцей. Где сейчас находится Кристиан – тот самый жадный до крови кукловод? Прячется за диваном, контролируя движения своей марионетки?

– Кажется, у тебя есть сын? Юная кровь, живая и трепещущая, – Ричардсон сделала глоток вина. – Надо сказать, что Оливер в этом плане мог заинтересовать меня гораздо больше, чем астматик или старик. Но я более чем благородна. Я не убиваю детей, тем более за грехи своих отцов. Пусть отвечает тот, кто виноват. Хотя я почти уверена, что ты бы без лишних размышлений выбрал свою смерть, чтобы сохранить жизнь своему сыну, – Эрика протянула застывшему в немом страхе Йоханессу бокал вина. – Мой друг, возьми бокал, иначе я вылью его тебе на голову.

Ольсен дрожащими руками взял протянутую хрустальную посуду, все ещё пытаясь унять бешеное сердцебиение. Он сжал тонкую ножку бокала и внимательно посмотрел на алеющую жидкость, словно пытаясь в вине отыскать разгадку страшной тайны Эрики Ричардсон. Как ему поступить дальше? Что говорить? Как вести себя? Йоханесс стиснул челюсти и с неожиданной даже для самого себя рвением вылил всё содержимое собственного бокала на кофейный столик, при всём при этом глядя прямо в бирюзовые костры.

На чужом лице сквозь тщательно выкованную маску вдруг проступило удивлению. Бирюзовые костры продолжали пылать, но, вместе с тем, в чужих глазах проступило нечто весьма странное, словно бы... Эрике понравилось увиденное. Йенс решил ковать железо, пока горячо.

– Ты не обязана потакать своему мужу, – чётко и уверенно произнёс Ольсен с серьёзным выражением лица.

Эрика ничего не сказала в ответ, но теперь удивление в её глазах сменилось на недоумение.

– Мне... мне правда очень жаль, что этот урод посмел тебя использовать. Но ты же понимаешь, что то, что он там тебе льёт в уши, не обязательно является правдой? Он тебя использует, и ты совсем не обязана подчиняться ему только из-за того, что он мужчина и твой муж, – вероятно, Ольсен и сам понимал, какой бред сейчас несёт, но у него больше не было никаких адекватных идей, позволивших бы ему спастись из этой ситуации. Всё было откровенно хуево, но лучше уж было молоть чепуху, чем со счастливой улыбкой ожидать собственной смерти, даже если смерть он примет от таких прекрасных маленьких ручек. Возможно, Йенсу получится убить двух зайцев одним выстрелом? Он спасёт не только собственную шкуру, но и Эрику от рук её мужа-маньяка. – Я понимаю, что я не кажусь тебе кем-то заслуживающим доверия, но я искренне хочу тебе помочь! Я не могу просто стоять и смотреть на то, как прекрасная девушка страдает от рук тирана. Ты заслуживаешь куда большего, чем быть заложницей его деяний. Клянусь, Эрика, ты имеешь право выбрать иную жизнь, и ещё не поздно спастись. Понимаю, тебе может быть страшно, но ты справишься, и я правда готов тебе помочь.

Эрика ещё некоторое время гипнотизировала взглядом Йенса, словно пытаясь понять искренность его слов, и Ольсен соорудил наиболее торжественное и серьёзное выражение лица, чтобы у женщины не осталось сомнений, но отчего-то вместо слёз и благодарностей Ричардсон... начала смеяться. Она смеялась так громко и долго, но мужчина всерьёз начал беспокоиться о её психическом состоянии. До чего довёл Эдвардс жену, раз всё, на что она осталась способна – это безумный хохот. Срывающийся, громкий, практически отчаянный. Ольсен прикусил нижнюю губу, размышляя над тем, как помочь женщине. Предложить воды? Йоханесс понятия не имел, где её взять, а запивать смех вином – плохая идея.

– *Mi piace se*⁷, – что-то прошептала она себе под нос, пытаясь отдышаться.

⁷ Ты нравишься мне; итальянский язык

Ольсен рассеяно захлопал ресницами. Да что, в конце концов, он такого сказал? Неужели Эрика настолько лишилась надежды, что выказанное кем-то желание помочь теперь могло вызывать только истерических смех?

– Ладно, ладно, – Ричардсон тихо раскашлялась, пытаясь прийти в себя. – Крис меня использует, говоришь? А с чего ты решил, что это он меня использует, а не я его?

Данная фраза прозвучала излишне зловеще, и Йоханесс нахмурил брови. Быть может, это всего лишь стадия отрицания (или как там это называется в психологии?) А может, Эрика не хочет потерять лицо?

– Э... думаю, ты бы выбрала кого-нибудь поумнее, чем дегенерата, который сжигает дома на виду у всех, – пробурчал Йоханесс.

Красивое лицо на мгновение ожесточилось, но Эрика тут же пришла в себя, вновь нацепив маску спокойствия. Йенс не отрывал от неё взгляда.

– Fottuto figlio di puttana⁸, – снова прошипела себе что-то под нос Ричардсон. – Мне жаль, что тебе пришлось увидеть мафию именно с этой стороны, – без намека на извинения и жалость произнесла Эрика, подняв глаза на Йоханесса. – Мы работаем иначе, просто во всякой организации есть ебланы, если ты понимаешь, о чём я. Я не одобряю неоправданную жесткость, хотя, очевидно, иногда она необходима, чтобы всякие сафоне не забывали о том, где их место в пищевой цепи, – женщина сцепила руки между собой. Она казалась совершенно расслабленной и спокойной, и Ольсену вдруг стало не по себе от этого спокойствия. Он... он ошибся? – Кристиан не такой дегенерат, как тебе кажется.

– И что это значит? – хрипло спросил Ольсен.

– Что вы, мужчины, слишком часто позволяете себе думать, что жизнь женщины крутится исключительно вокруг таких же, как вы, – Эрика мягко улыбнулась. – Не страшно. Я понимаю, что некоторые люди не одарены интеллектуально, в мире полно идиотов, которые не понимают, о чём говорят. Я встречала подобных тебе слишком часто. Знаешь, сколько раз в свой адрес я слышала слова «шлюха», «подстилка» и прочее и прочее?

Йоханесс настороженно сделал небольшой шаг назад. Хоть его от женщины и отделял кофейный столик, внезапно этого расстояния стало слишком мало. Бирюзовые глаза смотрели на мужчину пытливо, поглощая каждое движение, каждый дрогнувший мускул, каждую эмоцию, промелькнувшую в разноцветных глазах. Йоханесс ощутил себя обнажённым.

– Ты хотя бы не опустился до подобного, – она хрипло усмехнулась, после чего осушила свой бокал с вином до дна.

Допив вино, Эрика медленно поднялась со своего места. Несмотря на иррациональный страх, вызванный непониманием происходящего, Йоханесс всё равно с жадностью впился в длинное облегающее алое бархатное платье, прекрасно подчёркивающее хрупкую красивую фигуру. На острые плечи был накинуто тонкое красное пальто с чёрными кружевными рукавами и подолом. Эрика выглядела одновременно роскошно и опасно. Словно полыхающий пожар, она демонстрировала свою власть и убийственность, вызвала желание бежать без оглядки, но вместе с тем – привлекала внимание. Верх платья держался на груди, из-за чего были видны и тонкие ключицы, и длинная шея, и Ольсен сходил с ума от желания прикоснуться к мягкой коже. Дурак! Он должен бояться, а не кусать губы, разглядывая чужое тело.

– Я не дама в беде, Ольсен, – бросила Эрика. – Я и есть беда.

Ольсен поднял затуманенный взгляд на глаза Ричардсон. Женщина выглядела так, словно ощущала себя победительницей, и ведь действительно – она победила. По всем фронтам победила. Обыграла. Эрика поставила острую коленку на кофейный столик и слегка наклонилась, поманив пальцев Йоханесса к себе ближе. Словно загипнотизированный, он действительно сделал шаг вперёд, несмотря на то, что пару мгновений назад собирался бежать прочь.

⁸ Чёртов сукин сын; итальянский язык

– Мафия никогда не подчинялась Кристиану. Он всего лишь пешка в моей игре. И ты тоже пешка. Жалкая, которую не страшно потерять, – красные губы изогнулись в жестокой усмешке. Но рука, противореча обидным словам, опустилась на колючую щеку, мягко проведя по ней костяшками. Ольсен громко проглотил слюну. – Ты здесь, потому что я этого захотела. Потому что ты не сможешь мне отказать. И никто не сможет. Потому что никто не посмеет меня осудить. А знаешь почему?

– Почему? – переспросил Йоханесс, случайно зацепив взглядом линию декольте Эрики. Щеки за считанную секунду стали цвета платья Ричардсон.

Он чувствовал себя одуроченным и глупым. Жалел женщину, которая в этой жалости никогда не нуждалась. Казалось бы, только что узнал, что на самом деле глава мафии – это действительно Эрика, что Кристиана она считает не более, чем жалким пушечным мясом, но не испытывал и грамма отвращения. Сколько он размышлял о том, что гангстеры – это мерзость, это грязь, убийства и кровожадность? Но, о Боги, Ричардсон! Как часто вы встречаете женщин, которые способны в тонких маленьких руках удержать управление целой мафией?

Йенс не мог поверить, что люди в Детройте боятся действительно именно Эрику – эту обворожительную и жестокую женщину, которая не боится пользоваться своей красотой. Она определённо знает, что приковывает взгляды мужчин, и наслаждается этим, заманивает, чтобы потом растерзать, поглотить целиком, высосать всю кровь.

Это пугало. Да, это до безумия пугало! Йоханесс не был бесстрашным или излишне храбрым, он никогда не был рыцарем или героем, и гангстеры, как и прочих нормальных людей, пугали Ольсена. Страх действительно закипал в жилах, сердце в груди стучало с бешеной скоростью. Сколько смертей было совершено этими маленькими прелестными руками? Сколько пыток видели эти очаровательные бирюзовые глаза? Сколько раз пухлые алые губы отдавали смертельные приказы?

Йоханесс прекрасно осознавал, что ошибался. Во всем и везде. Эрика не была жертвой, она истребляла с холодным сердцем и разумом, прорывала ногтями путь к власти, пожирала всех, кто осмеливался ей помешать. Ричардсон была главой мафии. Это невозможно, странно и необъяснимо, но это факт.

Эрика придвинулась ещё ближе, коснулась губами мочки его уха и тихо-тихо прошептала:

– Потому что я есть судья и палач. И никто в этом мире мне не указ. И ты, Йоханесс Ольсен, отныне в моих руках.

После Эрика тут же отдалилась, издав очередную усмешку. Мужчина почти что ощутил разочарование, вызванное прервавшимся контактом, но тут же мысленно отругал себя. Почему он под её взглядом плавится, словно мальчишка? Она только что буквально прямым контекстом сказала, что собирается уничтожить Йоханесса, а он и рад умереть в этих красивых руках. Ольсен с ужасом посмотрел на Эрику: что с ним вообще происходит? Мозг превращается в жидкую кашу, тело охватывает сладкой дрожью. Идиот... идиот!

В глазах Эрики только веселье и надменность. Ей нравится мучить и издеваться, и от лицемерия покрасневших щёк Йоханесса женщина получает искреннее удовольствие. Да, у Ольсена всегда получилось плохо скрывать свои эмоции! Он как открытая книга, читай – не хочу. Все мысли, все чувства – всё вывернуто наизнанку и открыто чужим пытливым глазам.

Глава мафии, собирающаяся растерзать Ольсена за неуплату долга. Его должны волновать другие вопросы: каким образом Эрика так скоро узнала о банкротстве Гловера? Почему он не смог наскрести хоть что-то для того, чтобы защитить их семью? Почему Ричардсон до сих пор его не убила? Что именно она хотела от него?

Но мысли путались, мешались между собой, а стоило бросить на Эрику хоть один взгляд – и Ольсен вообще терялся в пространстве. В мире было столько красивых женщин, но Йоханесс больше не позволял им пользоваться собой, больше не разрешал себе робеть, как глупый

мальчишка, больше не терял голову и не сходил с ума по чужим острым коленкам. По крайней мере, до этого дня.

Он чувствовал себя утопающим, который с каждой попыткой всплыть всё глубже и глубже уходит под воду. Как это возможно? Не иначе Эрика Ричардсон самая настоящая ведьма! Как ей другим образом удалось добиться столь высокого положения?

– Я сделаю все, что ты скажешь. Только, прошу, не трогай моего сына и брата, – с трудом вытянул из себя Йоханесс. Он опустил в глаза, отчаянно повторяя про себя цель прибытия в это место.

– Ну вот, теперь ты кажешься мне скучным, – Ричардсон нахмурила тонкие брови. – Мне не нужна ещё одна механическая кукла. Я достаточно насмотрелась на них в жизни. Я знаю, что ты не такой. Я заметила твою язвительность, резкость и грубость. Не пытайся скрыть себя от меня, – раздражённо прошипела Эрика, присаживаясь обратно на диван, закидывая ногу на ногу. – Я продолжу, когда выпьешь вина.

Контролировать себя, будучи опьянённым, крайне трудно, а Ольсен и без того чувствовал, как от сладких речей Ричардсон его мозг начинал плавиться и поддаваться искушению, запретному плоду. Но мужчина, прекрасно понимая, что выхода у него нет, налил себе вина и выпил его из бокала залпом.

– Превосходно! – восхищённо воскликнула Эрика, захлопав в ладоши. – Мой друг, скажи мне, как ты думаешь, для чего ты здесь сегодня?

– Из-за... из-за того, что мы с братом должны тебе, – тихо отозвался Йоханесс. – Я понимаю, что мафия не прощает долгов.

– О, тут ты прав, – Эрика хищно улыбнулась. – Но, коль у тебя ничего нет, чем ты собираешься мне платить?

– Я продам всё, что у меня есть, мы... мы соберем деньги. Клянусь, мы соберем их, я... я буду работать, я всё верну тебе, только... только не трогай моего сына, – Ольсен сжал пальцы в кулаки, отводя взгляд.

Эрика сделал вид, что задумалась, и сердце Йоханесса невольно остановилось в ожидании. В груди появилась слабая надежда, и теперь Ольсен вновь смотрел на мафиози, не отрывая взгляда, в томительном ожидании оглашения принятого решения. Сейчас Ольсен действительно ощущал себя подсудимым, а Ричардсон видел не иначе как строгую судью, что сейчас огласит приговор.

– Я не люблю ждать, – просто ответила Эрика, и Йоханесс в оцепенении застыл на месте. – Понимаешь, я привыкла получать всё сейчас и сразу.

Ричардсон мило улыбнулась, но в глазах Ольсена эта улыбка была похожа на звериный оскал. Сейчас она его растерзает, разорвёт на клочки, сожрёт с потрохами.

– Скажи, мой милый друг, для чего тебе нужна эта мучительно скучная и печальная жизнь? – вдруг переменялась в лице женщина, теперь источая тоску и озадаченность. – Вы все так за неё боритесь. Заключаете сделки с мафией, надеясь, что это поможет выжить. Ради чего ты борешься, Ольсен?

– Ради сына? – тихо отозвался Йоханесс.

– О, как трогательно, – с наигранным умилением отозвалась Эрика. – Хочешь сказать, что ты здесь сегодня ради своего сына?

– Да, – утвердительно закивал головой мужчина.

Эрика сухо усмехнулась, а затем резко подскочила с дивана и вцепилась пальцами одной руки в воротник рубашки Ольсена, притянув его к себе ближе. Бирюзовые глаза вновь запылали от ярости, и Йоханесс сглотнул слюну: вот и настал конец его жалкой жизни. В этой женщине действительно было куда больше силы, чем могло показаться на первый взгляд.

– Нет! Глупый Ольсен, как смеешь ты врать? Больше всего на свете я ненавижу ложь. Не лги мне, никогда не лги мне! – прокричала Эрика.

– Я не... – попытался возразить Йенс, но тут же был прерван.

– Думаешь, я слепа? Ты безнадежен, Ольсен, и я замечала каждый твой брошенный на меня взгляд, – четко выговаривая каждый слог, произнесла Ричардсон, касаясь своим горячим дыханием губ Ольсена. – Ты сделал это из-за меня. Признай это, Йоханесс.

The Neighbourhood – A Little Death

Кажется, у мужчины большие проблемы с сердцем, потому что его биение усилилось во много раз, яростно избивая ребра, словно пытаясь прорубить в них дыру и прыгнуть в руки Эрики, потому что только мафиози могла коснуться так глубоко, так больно и так нежно. Йоханесс невольно перевёл взгляд на губы Эрики: ярко-красная помада частично стёрлась из-за вина. Ольсен не отдавал отчёта своим мыслям, лишь жадно вдыхая запах цитрусов, розы, рома и пачули.

– Нас тянет друг к другу. Ты отличаешься от всех людей, в обществе которых я верчусь. Я решила выбрать именно тебя, потому что ты заставляешь меня чувствовать настоящую злость, если хочешь, бешенство. Ты умеешь спорить, грубить, ты не следуешь правилам этикета, ты выражаешься некультурно, но в тоже время ты больше похож на человека, чем весь этот чёртов высший свет.

Йоханесс не отрывал зачарованного взгляда от чужих ярких губ, на вид таких мягких и тёплых. Сейчас его совсем не волновало, что этот взгляд, влажный и ласковый, несколько не был скрыт от бирюзовых глаз.

– Выбрать в качестве чего?

Ричардсон расплылась в широкой улыбке и ещё ближе притянула к себе Йоханесса за ворот. Она на протяжении нескольких минут вглядывалась в лицо собеседника, после чего отпустила Ольсена и встала на колени на кофейный столик, случайно уронив бутылку вина, но не обратив на это совершенно никакого внимания. Художник замер в той же позе, в которой его оставила мафиози, не смея пошевелиться, чтобы не спугнуть синюю птицу, залетевшую в комнату через открытое окно, откуда доносилось стрекотание сверчков и крики ночных животных. Эрика осторожно сняла с Йоханесса очки, заставив последнего прищуриться с непривычки. Мафиози ухмыльнулась и положила предмет рядом с собой на столик. На какое-то время Ричардсон вообще перестала что-либо делать, просто замерев в одной позе, задумавшись о чем-то, однако Ольсен не мог оставить начатое без продолжения. Он аккуратно повернул голову Эрики в свою сторону, мягко улыбнувшись женщине. Мафиози тут же очнулась и положила руки на небритые щёки Йоханесса.

Художник никогда и подумать не мог, что прикосновение длинных почти ледяных пальцев могут быть настолько убийственными. Его со всех сторон обволокла сладкая нега, по внутренностям расползлось болезненное наслаждение, по венам теперь текла не кровь, а элегантный аромат Эрики, который Ольсен запомнит навсегда как самый любимый свой аромат. Мужчина уже не слышал своего сердца, оно глухим стуком отдавало где-то вдалеке, теперь всё внимание киномеханика было сосредоточено исключительно на этой с ума сводящей Ричардсон, которая разрушал все понятия Йенса о морали, о правильности и неправильности.

Эрика облизала мягкие губы, окончательно стерев с них помаду, после чего резким движением поддалась вперед, соединив себя с Ольсеном в поцелуе. Йоханесс понимал, что всё шло именно к этому, но сердце всё равно подпрыгнуло в груди, голова закружилась, а всё тело затряслось. Это точно не сон? Ещё недавно мафиози казалась такой недостижимо далекой.

Художник тут же ответил на поцелуй, притянув Ричардсон к себе ещё ближе за шею, находясь с ней так непозволительно близко, ощущая от этого какое-то странное удовлетворение. Эрика целовала плавно и нежно, руками водя по щекам Йенса, заставляя каждую клеточку тела мужчины умирать и возрождаться заново. Одним случайным (или вполне осознанным?) движением Ольсен сорвал с губ Ричардсон едва слышный стон, и сразу же проник языком в сладкий от вина рот мафиози, углубляя поцелуй, соприкасаясь с чужим языком, лаская небо

и щеки. Сколько на его веку было поцелуев, но этот – самый жаркий, самый беспощадный и самый прекрасный, прекращать который не хотелось ни за что на свете. Всё, о чём мог в данный момент времени думать Йоханесс, – сладкие нежные губы Эрики, её восхитительный аромат и пальцы, прикасающиеся к его щекам.

Они оба сходили с ума, пьянея друг от друга гораздо сильнее, чем от алкоголя. Руки Йоханесса уже давно отпустили шею Эрики, теперь крепко сжимая тонкую талию. Возможно, художник нуждался в большем, возможно, ему нужна была мафиози целиком и полностью, чтобы гладить её нежную кожу, сжимать её и оставлять грубые отметины. Ольсен был пьян, как никогда раньше, пьян от самой Эрики, от её запаха, от поцелуя, от её холодных рук. Это произошло так быстро, что Йенс даже не успел отдать себе отчёта в том, что уже давно утонул.

Мафиози резко отстранилась от художника, грубым движением скинув руки Ольсена с себя.

– Ты умеешь пользоваться бритвой? – фыркнула Эрика, вытирая рот рукавом красного пальто.

– Я не знал, что одна прекрасная мафиози решит меня поцеловать, – довольно ухмыльнулся Йоханесс, прикасаясь к опухшим от долгого поцелуя губам.

– Я слышу усмешку. Это радует меня, – хмыкнула Ричардсон. – Ладно, хватит лирических отступлений. Нам нужно поговорить о том, ради чего я тебя позвала.

– Ты позвала меня не ради того, чтобы целоваться?

– Нет.

Мафиози слезла со стола, поправив бархатное платье, и плюхнулась на диван, доставая из кармана папирусу и щелкая зажигалкой, заставляя в полутьме вспыхнуть яркому огоньку. Эрика вдохнула сигаретный дымок и прикрыла глаза.

– На самом деле, мне не нужны деньги от нищего киномеханика, потому что, будем честны, если ты выплатишь свой долг, то пройдёт всего пару недель – и ты сдохнешь от голода. Люди, заключая сделку с мафией, надеются на то, что контракт с Дьяволом спасёт их, а не затянет ещё глубже. Глупое желание, не так ли? Но кто я, чтобы осуждать своих клиентов, – Эрика тихо хмыкнула, даже не смотря в сторону Ольсена. – Что думаешь, котик, я права?

«Котик» из её уст больше походило на издёвку, но Йоханесс сейчас был готов согласиться на всё, что скажет ему Ричардсон. Красивая и жестокая, но принадлежность Эрики к мафии – последнее, что сейчас волновало мужчину. Он смотрел на неё как сошедшее с небес Божество и не мог оторвать взгляда.

– Права, – бездумно отозвался Ольсен.

– Почему-то мне не хочется, чтобы ты умирал от голода. Ну или от наркоты или алкоголя – от чего вы там обычно умираете? – она едко усмехнулась. – Ты кажешься мне интересным экземпляром, сразу показался. Давай поступим так, – бирюзовые глаза загорелись, и женщина чуть наклонилась вперёд, испепеляя взглядом Йенс, чуть прищурившись. – Я не потребую от тебя не гроша за лекарства, но ты будешь выплачивать свой долг иначе, – она закинула ногу на ногу и сцепила пальцы обеих рук на коленке.

– Всё, что захочешь, – снова бездумно ответил Йоханесс.

– В таком случае, твое тело теперь моё, – мафиози невинно улыбнулась. – Захочу тебя увидеть – обязан будешь явиться, чем бы ты ни был занят и где бы не находился. Но чтобы не слишком докучал мне, звонить тебе буду только я. Пока я тебе не позвонила – видеть и слышать о тебе ничего не хочу. Не пойми меня неправильно, я просто не люблю навязчивых мужчин.

Йоханесс энергично закивал головой, вдохновлённый тем, что теперь часто будет видеться с Эрикой. Как подобный вариант мог вообще его не устраивать? Красивая женщина с мягкими губами и высеченной из мрамора великолепной фигурой. Она сама делает шаги навстречу, сам жаждет его видеть, при всём при этом не требуя от мужчины ни глупых признаний в любви, ни его сердца. Всё, что нужно Эрике – не слишком частые встречи ради пре-

красного времяпровождения. Йенс только счастлив будет оказаться рядом, когда Ричардсон это будет нужно. Целовать её губы, ласкать её тело – о чём ещё можно мечтать? Будучи в том возрасте, когда заводить девушку или жену уже поздно, Ольсен только счастлив был подобным отношениям.

– Ах, да. Единственное, раз уж теперь ты принадлежишь мне, то имей совесть оставаться верным. Узнаю, что решил завести с кем-нибудь роман – пристрелю обоих. Моё – значит моё, делиться ненавижу.

Она вновь расслаблено откинулась на спинку дивана, продолжая курить папиросу. Йоханесс сдавленно вздохнул: неужели она ещё и ревнива? Как вообще можно спокойно существовать на планете, когда тебя ревнует сама Эрика Ричардсон?

– Постой, – вдруг нахмурился Ольсен, и женщина без особой заинтересованности перевела взгляд на него. – А твой муж? Он... не захочет убить меня?

На самом деле, разумеется, хоть Йенса в действительности волновало то, растерзает ли его Кристиан Эдвардс, но вместе с тем он задумался и о том, насколько супружескими являются отношения Эрики с её мужем. Раз уж заводит любовника, то, очевидно, что-то в её семейной жизни было не так. Однако Йоханесс не слишком-то любил начинать отношения с кем-то, кто уже был связан обещаниями. Не хотелось бороться с каким-то идиотом за место под солнцем, да и мучить себя мыслями о том, что другой мужчина прикасается к твоей партнёрше и гладит её тело – тоже такая себе перспектива.

– Котик, ты не понял меня, – с наигранным сочувствием в глазах ухмыльнулась Эрика. – Ты принадлежишь мне, а я принадлежу сама себе. Это не романтические отношения, это твой шанс расплатиться со мной, – нежно улыбнулась женщина. – Я владею несколькими борделями в городе, оттого подобный род связей мне хорошо известен. Дамы, которые утонули в своих долгах и нищете настолько, что деваться им уже некуда, добровольно соглашаются работать на меня. Ты точно такой же, единственное твоё преимущество, что принадлежишь ты только мне. Разумеется, моего мужа это совершенно не касается, – с усмешкой добавила мафиози, наконец, ответив на заданный вопрос.

Йоханесс побледнел, когда осознал, что его только что назвали проституткой. По сути, так оно и было. Ольсен опустил глаза, полные ужаса, на дурацкий кофейный столик. Только сейчас он начал осознавать, на что подписался. Впрочем, это ведь не важно. Максимум, слегка пострадает самолюбие, а так об этом ведь даже особенно никто и не узнает, верно? Главное, что Оливера и Гловера вся эта ситуация никак не коснётся, не придётся продавать имущество и ввязываться в очередные неприятности ради денег. Подумаешь, ублажать мафиози – что в этом такого? Пускай считает Йенса своей проституткой, он от этого даже почти не ущемлён. Это ведь он в плюсе: и с лекарством, и с сексом без обязательств.

Однако почему-то от этих размышлений не сделалось ни грамма легче. Неважно, нет,不重要. Это скоро пройдёт. События развиваются даже лучше, чем они все могли представить, и Йоханесс не имеет права ни о чём жалеть.

– Я просто беспокоюсь, что твой благоверный выйдет из себя. Поговаривают, он ревнивый, – попытавшись нацепить на себя маску безразличия, процедил Йенс. Как уже говорилось, Ольсен был достаточно прямолинейным человеком и скрывать свои эмоции не умел. Эрика тихо усмехнулась.

– Не бойся, не выйдет из себя. Я не позволю тебе умереть, пока ты не расплатишься со мной, – мягко улыбнулась она.

«А спать ты с ним будешь?» Йенс сжал пальцы в кулаки: ему плевать, пускай делает всё, что хочет. Она же глава мафии, ей закон и мораль не писаны, спорить и пытаться чего-то крайне глупо. Да и Ольсену плевать должно быть, что происходит с Эрикой, она явно не желает посвящать Йенса в тайны своей жизни, так что зачем насильно заставлять её довериться? Очевидно же, что только хуже станет.

– Кстати, видишь белую коробочку на столе? Это твоё лекарство. Забери его и вали отсюда, я устала от твоей болтовни, – грубо произнесла мафиози.

– Валишь? – разочарованно выдохнул Йоханесс.

– Котик, никогда не оспаривай мои слова, если не хочешь, чтобы я разозлилась, – недовольно отозвалась Эрика. – Тебя довезут до дома.

Ольсен фыркнул, нацепил на нос очки и запихал в карман коробку с лекарством. Честно говоря, художник не совсем понимал, с чем связана резкая перемена в настроении Эрики, но на что вообще мог рассчитывать Йоханесс? Ричардсон весьма чётко дала понять, чего она хочет от мужчины и что ей в этих отношениях совершенно не нужно.

Глава 6. Потому что теперь твоя жизнь зависит только от меня

*Я понимал,
Что это пожар, что я горю изнутри,
И я правда пытался его потушить,
Но вместо воды я лил керосин.
Извини.*

© Черняев Виктор

Diana Krall – Autumn leaves

Забыть два сверкающих и переливающихся апатита Йоханесс не мог, как бы ни старался. Машина быстро мчалась по ночной дороге вперёд, унося одурманенного мужчину всё дальше и дальше от его маленькой ночной сказки. От мысли о том, что скоро наступит рассвет, и лунная романтика окончательно испарится в воздухе, становилось тошно. Губы всё ещё горели, клеймённые обжигающе-пьяным поцелуем, а на коже словно отпечатались ледяные прикосновения небольших тонких рук.

Что-то в голове верещало о том, что Йоханесс неправильно поступает по отношению к сыну, в первую очередь. Прыжки в бездну не заканчиваются ничем хорошим, а Ольсен, к тому же, отдал себя темноте с разбега, ни капли не жалея об этом. Однако эти мысли, стоило им только появиться, тут же таяли, словно первый снег, выпавший в плюсовую температуру. Огромное нечто охватывало Йенса со всех сторон, облепляло, зажимало в угол, набирало власть над разумом, моралью, ценностями и здравым смыслом.

Почему Эрика выбрала именно простого киномеханика, такого глупого и ничтожного? Гловер хоть и был той ещё занозой в заднице и полным придурком, но он был прав: таким, как Ричардсон, не нужны такие, как Ольсен.

– По пути к боссу ты казался более дерзким и разговорчивым, – усмехнулся мафиози, сидящий рядом с Йоханессом на заднем сидении машины. – Забавно, что она не убила тебя. Знаешь, я бы принёс на твою могилку две гнилые гвоздики.

– Мисс Ричардсон так часто просит притащить к себе кого-то, чтобы самой совершить убийство? – медленно произнёс Ольсен, нехотя выбираясь из своего воздушного замка.

– Только если ненавидит этого кого-то по-настоящему сильно. Ну, или хочет поговорить перед смертью этого кого-то с этим кем-то, – зло улыбнулся гангстер.

Непонятно, какие цели преследовал гангстер. Пытался запугать? Но ведь Ольсен вышел из кабинета живой и невредимый (практически). Впрочем, совершенно нетрудно было догадаться, что оба находящиеся в машине мафиози питают к Йоханессу далеко не тёплые чувства, но, собственно, что он наделать-то уже успел? А может, они просто переживают из-за того, что в жизни драгоценнейшей главы появится ещё один мужчина?

Йенс резко перевёл взгляд на своего собеседника, тот, видимо, решил, что сумел напугать Ольсена и довольно усмехнулся, а спустя ещё некоторое время поёжился, когда киномеханик продолжил, не отводя глаз, разглядывать гангстера. Подумать только. Прекрасная женщина в окружении целого вороха мужчин. Это похоже на какой-то культ. Эрика вполне себе подходит на роль Богини, а эти гангстеры с Эдвардсом во главе, очевидно, ноги целовать ей готовы. Любая просьба, любой приказ. Как часто вообще вы встречали мужчину, который родной жене так приклоняться станет? А тут целая преступная группировка под каблуком у женщины.

Ольсен сжал челюсти. Данный факт неожиданно сильно его взбесил. Удивляться тут нечему, такая дама будет ловить восхищённые взгляды, да и, как уже удалось выяснить, Эрика была хороша не просто как женщина – в ней действительно было что-то особенное кровожадно-гангстерское – какой гангстер на месте этих двоих горе-водителей не станет пускать слюни по своей начальнице?

Йенс тяжело вздохнул, пытаясь подавить в себе желание прямо сейчас вмазать по челюсти мафиози и выпытать, какими глазами он смотрит на Эрику. Зачем ей ещё и Ольсен, если у неё и так собран целый кукольный домик?

– Отвернись от меня, ты некрасивый, – буркнул гангстер, и Йенсу действительно пришлось уставиться в пейзаж за окном.

Если честно, Йоханессу не совсем нравилось думать, как в неприбранный кабинет Эрики, где царила загадочная атмосфера полумрака, где пахло дорогими сигарами и женскими духами, где на кофейном столике, как обычно, стояла бутылка с алкоголем, входил кто-нибудь другой. Убийство, разговор, пытки – неважно.

Она замужем. Эту простую истину нужно вбить себе в разум, уяснить, как закон Ома. Не важно, какие отношения были у Эрики и Кристиана, важно то, что она всё равно, несмотря ни на что, замужем. И Йенс просто очередная игрушка, что быстро надоеет, таких же «игрушек» у женщины может быть очень много – в любом случае, это не касается Ольсена. Идиотское чувство продолжало изнутри щекотать грудную клетку, избавиться от него никак не получалось простыми убеждениями о том, что Йоханессу должно быть плевать на Эрику. Ненавязчивое прикосновение пера, едва ощутимое, от которого чертовски хотелось избавиться, но, по крайней мере, пока что оно казалось терпимым. Если не обращать внимания некоторое время на зудящую конечность – зуд отступит, и здесь всё точно так же.

– Она всегда убивает тех, кого ей привозят? – Йоханесс невольно прикусил губу: любопытство срочно нужно было усмирить новой порцией информации о такой загадочной Эрике. Он просто хочет понять, есть ли ещё кто-нибудь, кто попал в подобную ловушку. Просто чтобы быть в курсе.

– Почему ты задаёшь так много вопросов? – фыркнул гангстер. – Ты мне никто, усмири свое любопытство. Когда мы ехали к боссу, ты мне нравился куда больше. Сейчас ты стал похож на соплившую малолетку.

– Ну и пошёл в жопу, – скривился Ольсен, вновь отвернувшись к окну.

Ну конечно, с чего он взял, что преданные рабы мисс Ричардсон станут открывать какой-то там мошке правду о своей Богине.

В этот раз мафиози сжалились и не стали завязывать ленточку на глаза Йоханессу. Да и зачем? Ольсен не так уж и часто гуляет по Детройту, чтобы без проблем найти тёмное и таинственное логово Эрики, при этом не заблудившись в трёх соснах. К тому же, за окном всё ещё была непроглядная ночь, такая, что даже при большом желании нельзя было разглядеть дорогу и отметить для себя какие-то отличительные признаки, чтобы вернуться обратно.

По радио играл какой-то лёгкий джаз, невольно заставляющий Йоханесса вспомнить первую встречу с Ричардсон. Тогда, в тот день, она была безупречно недосыгаема, зловеще опасна, несмотря на невысокий рост и тоненькую фигурку. Тогда Йенс, конечно, ещё не успел разглядеть молнии в бирюзовых глазах, но теперь он понимал, насколько сильно ошибался. Неужели действительно именно Эрика управляет мафией, неужели именно её боятся и уважают? Гангстеры и слова не сказали про Эдвардса, да и, судя по их бледным лицам, парни явно боялись разозлить свою Богиню.

– Так вы... вы подчиняетесь мисс Ричардсон? – спросил Ольсен. Ему было глубоко поебать на то, что сидящий рядом гангстер не желал с ним разговаривать. Йенсу больше не у кого было спросить.

– Нет, блядь, мэру Детройта, – вспыхнул мафиози. – Ты слабоумный или чё? Может, у тебя хромосома лишняя?

– Я тебя нормально спросил, хули грубишь? – фыркнул Йенс в ответ.

– Адам, не груби, – раздалось с водительского сиденья. – Хватит ввязываться в неприятности.

– Ладно, – проскрипел тот самый Адам. – Послушай, ты ведь сам только что видел мисс Ричардсон, мы привезли тебя прямо к ней, как думаешь, можем ли мы подчиняться начальнику полиции, если выполняем её приказы? – с явным усилием попытался объяснить гангстер.

– Блядь, да я не настолько тупой! Просто... а Эдвардс? Кристиан Эдвардс? Вы подчиняетесь ему?

Адам в ответ громко рассмеялся и откинулся на спинку сиденья.

– Этот конченый уёбок? Боб, он спрашивает, подчиняемся ли мы хуесосу Эдвардсу? – сквозь смех спросил гангстер.

– Адам, – строго отозвался Боб с переднего сиденья. – Мы выполняем приказы мисс Ричардсон, – пояснил водитель для Ольсена. – Она глава мафии, и тебе действительно стоит быть осторожнее с высказываниями и действиями.

– Да-да, придурок, послушай старших, – деловито встрял Адам. Очевидно, оба гангстера были моложе Йенса. – Если ты хоть помотришь на мисс Ричардсон не так, если совершишь хотя бы один самый незначительный проступок – сразу тебя на мясорубке в фарш перемелю. Понятненько тебе?

Гангстер чуть наклонился, внимательно вглядываясь в глаза Ольсена. От бывшего веселья на его лице не осталось и лица, и Йенс поёжился. Ему действительно стоит запомнить и уяснить, что связался не с абы кем, а с мафией. То, что Эрика по отношению к нему благосклонна, – большая удача, пускай даже она не поддаётся объяснению. Сегодня Ричардсон улыбается и угощает вином, но кто знает, что будет завтра? Действительно прикажет своим гангстерам разрезать Ольсена на органы и закопать в разных частях страны.

По коже пробежали мурашки, и Йенс поёжился. Только сейчас, когда дурман стал сходить, Ольсен начал понимать, что ввязался не в какую-то весёлую игру. С ним не будут делить любовное ложе, его заставят подчиняться. Он, как и гангстеры, должен будет выполнить любой приказ. И ему придётся быть послушным и хорошим. Йенс не хочет проблем своей семье.

Ольсен ничего не знает об Эрике. Как понять, что она злится или чем-то недовольна? Как понять, чего именно она хочет от Йенса? Как нужно себя вести, чтобы угодить Ричардсон? Как много у неё терпения? В сердце зарождался страх, но гораздо сильнее было любопытство и иррациональное неподдающееся объяснению желание увидеть её вновь. Стерпеть все унижения и издёвки, но увидеть. Йоханесс потряс головой: он точно сходил с ума.

– Да понял я, – наконец, ответил Ольсен, после чего Адам сухо усмехнулся и вновь откинулся на спинку сиденья. – Можно, я ещё пару вопросов задам? Ну, знаешь, мне мисс Ричардсон и вас обоих теперь придётся видеть частенько. Не хочу случайно подорваться на mine.

Йенс понимал, что только что собрал все остатки своей наглости и швырнул их гангстеру прямо в лицо. Любопытство сжигало изнутри, да и действительно было бы неплохо узнать об Эрике побольше.

– Господи, какой же ты надоедливый, – закатил глаза Адам. – Ладно. У тебя есть пару минут, пока мы не доехали до твоего гадюжника. Не хочу, чтобы потом ты заёбывал мисс Ричардсон своими идиотскими вопросами – явно же ей настроение испортишь.

Ольсен стиснул челюсти, чтобы не расплыться в довольной улыбке. У него всё-таки есть шанс вырвать ещё немного информации.

– Она и Кристиан Эдвардс женаты?

– Блядь, ну ты долбаёб или да? – фыркнул гангстер. – Тратить время на подобные вопросы? Твое дело, впрочем. Ты и так знаешь, что они женаты.

– Я просто решил убедиться, – хмыкнул Йоханесс. – Почему тогда она мисс Ричардсон, а не миссис Эдвардс?

Адам вновь громко засмеялся. Кажется, каждый вопрос про Эдвардса вызывал у него целый каскад ярких эмоций. Что их связывает с Кристианом? Разве имеют они право так грубо отзываться о муже своей пресвятой начальницы? Да и вряд ли Эдвардс занимает в иерархии мафии какое-нибудь незначительное положение. Гловер, конечно, боялся Эрику, но и про Кристиана говорил дрожащим голосом.

– Ха-ха-ха, Боб, ты слышал? – восклицал Адам. – «Почему не миссис Эдвардс!» Мать твою, я давно так не смеялся! Сука, ты сам подумай, разве кто-то на её месте захотел бы стать миссис Эдвардс? Кто-нибудь вообще в этом ебаном мире захотел бы взять фамилию этого облезлого пса?

– Адам, – послышался строгий голос с переднего сиденья

Видимо, в этой парочке за глас рассудка отвечал именно Боб. Адам же явно был психически неуравновешенным.

– Ладно-ладно, прости, – попытался отдышаться Адам, обращаясь к своему напарнику. – Короче, чё ты пристал? Ну не захотела брать фамилию мужа – чё такого? Она и сама по себе никуя себе, нахрена ей обозначать свою принадлежность какому-то мужику? – продолжил он, обращаясь уже к Йенсу.

– Как давно они женаты? – вновь решил испытать удачу Ольсен.

– Я тебе бабка-сплетница что ли? Их свадьбу обсуждал весь город, неужели ты вообще всё проебал? – в голове гангстера промелькнули нотки отвращения. – А, точно. Ты же не из Детройта, – мужчина махнул рукой. – Точно не помню, но около шестнадцати лет назад. Боб, шестнадцать же лет? – обратился мафиози к водителю машины.

– Шестнадцать лет их дочери, они раньше поженились, – ответили спереди.

– Дочери? У неё есть дети? – с ужасом спросил Йоханесс, большими глазами посмотрев на гангстера.

Что вообще происходит в этой семье? Если между Кристианом и Эрикой действительно настолько запутанные отношения, то нахрена они ребёнку завели? Хотя, впрочем, Йенс вообще ни разу за жизнь не был женат, но сын у него имелся. Он вздохнул. Разумеется, на самом деле его бесила не беспечность родителей той девчонки, а то, что Эрику с тем Эдвардсом действительно связывало слишком многое. Беспокоился он об этом, разумеется, только из-за того, что не хотел потом оказаться убитым Кристианом.

– Да, у неё есть семья, так что не зазнавайся, – кивнул головой мафиози, испепеляя своего собеседника взглядом.

– Что?

– Ты меня заебал, – пожал плечами Адам, отвернувшись к окну. – Время закончилось, да и вопросы у тебя скучные. В следующий раз придумай что поинтереснее, иначе отвечать не буду.

Ольсен рассеянно хлопал глазами, осматривая пейзаж за окном. У Эрики есть семья. Полноценная. Она мать и жена. Тогда почему... тогда что здесь забыл Йоханесс?

– Как говорит босс: «Vafa Napole, compare», – с издёвкой в голосе произнёс гангстер, когда машина остановилась возле дома Йоханесса.

– Тебе тоже не хворать, – проскрипел Ольсен, выползая из автомобиля.

Мафиози тихо рассмеялся и тут же захлопнул дверь за мужчиной. Машина тут же умчалась с диким рёвом и бешеной скоростью вперёд, оставив Йоханесса одного, мучимого мыслями о Ричардсон. Мужчина медленной походкой направился к дому, но каждый шаг давался с огромным трудом, потому что с каждым пройденным метром Ольсен становился всё дальше и дальше от прекрасной и весьма странной ночи.

– Йоханесс, – раздался чей-то громкий в кромешной темноте и тишине шёпот.

Йенс вздрогнул и резко обернулся. Он стоял уже возле входной двери и собирался войти, когда услышал чужой голос. В темноте от слепоты не спасали даже очки, и мужчина прищурился. Благо, зовущий его оказался возле редкого на улице фонарного столба. Ольсен недовольно цокнул языком, припоминая, где уже видел раньше худошавый слегка покачивающийся силуэт со всегда растрёпанными длинными волосами и в огромной безразмерной одежде.

– Ну и чего тебе надобно? – фыркнул Йенс, поворачиваясь лицом к собеседнику и спускаясь с крыльца. Он быстро огляделся, убеждаясь в том, что рядом никого нет. Нормальные люди в такое время уже спят, а ненормальные только что уехали на чёрном Chevrolet.

– Ты реально решил с гангстерами связаться? – удивлённо спросил собеседник, подходя ближе. Походка у того явно была шаткая и очень неуверенная, казалось, что вот-вот – и он упадёт. Хотя говорил весьма чётко. Ольсен не был брезгливым, но тратить своё время на какого-то наркомана, а уж тем более объясняться перед ним, совсем не хотелось. – Я думал, что ты их ненавидишь.

Голос Энтони звучал вкрадчиво и даже, быть может, неуверенно. Ольсену казалось, что этот наркоман – олицетворение наглости, который никогда не беспокоится о том, что думают о нём другие. Да и вообще Купер был похож на человека, которому на всё вокруг себя плевать.

– Тебе есть до этого дело? – Йоханесс сложил руки на груди, не отрывая от Энтони взгляда. Кто знает, что этот полудурашный решит вытворить? Ольсен ведь даже не знал, находится ли сосед под действием наркотиков или нет. – Или просто узнал своих старых друзей и застеснялся подойти поздороваться?

– Я не знаю тех парней, я понял по шляпам, что они гангстеры, – вздохнул Купер.

– Надо же, я думал, что тебе известно всё про мафию, – язвительно фыркнул Йенс. – Ладно, слушай, доброй тебе ночи, сладких снов – и всё такое, а я пошёл, хорошо поговорили, ага.

– Постой! – резко бросил Энтони, он вмиг преодолел расстояние в несколько шагов, видимо, действительно переживая, что тот уйдёт.

Йоханесс сделал небольшой шаг назад, взволнованно наблюдая за действиями собеседника. Что он от него хотел? Чего привязался? Йенс даже не мог представить общих тем для разговора, они были из двух совершенно разных миров с совершенно противоположными интересами, и, если честно, Ольсену совсем не хотелось заводить друзей наркоманов. В его голове было слишком много запутанных мыслей, а физические силы заметно поиссаяли от всей этой неразберихи. Хотелось спрятаться под одеяло и притвориться, что в его жизни ничего не изменилось. А Купер лишь в пустую тратил время.

– Отойди-ка от меня, – грубо попросил Ольсен. – Мы не друзья и всё такое.

Энтони послушно отступил назад. Он выглядел таким взволнованным и даже немного напуганным, что ситуация показалась Йенсу очень странной. Купер словно пытался что-то сказать, но никак не решался. Хуй этих наркоманов поймёшь.

– Эрика Ричардсон не продаёт наркотики, подобные сделки осуществляются лишь через её мужа, только если, конечно, они не слишком крупные, – зачем-то сказал Энтони, видимо, пытаясь объяснить. – Я знаю всех, кто находится в личном подчинении Эдвардса, и эти двое – точно не из них. Когда я увидел их машину раньше, подумал, что ты чем-то насолил главе мафии, но ты живой. Значит, нет.

– Я повторяюсь: какое твоё дело? – фыркнул Йенс.

Хотя, конечно, его алчная душонка изнывала от любопытства. Непонятно, по какой причине какой-то наркоман владел таким большим количеством информации, но это последнее, что интересовало Йенса. Энтони мог быть постоянным клиентом мафии – по его лицу не трудно распознать длительный опыт общения. Значит, Эрика не занималась такими мелкими делишками, предпочитая спихивать их на мужа. Тони был постоянным клиентом, но, воз-

можно, за всю жизнь даже не удосужился и украдкой взглянуть на таинственную мисс Ричардсон. Почему-то это заставило испытать Йенса странное чувство гордости.

– Чувак, расслабься, – лицо Энтони, наконец, приобрело привычное выражение. Он расплылся в ленивой улыбке и плюхнулся на траву перед домом, развалившись там, как на диване. Ему не холодно? Или нервы атрофировало? Ольсен не знал, как наркотики действуют на организм человека – к счастью, наверное. – Мне искренне поебать, что связывает тебя с мафией. Тут почти каждого что-то связывает с мафией, – он расслабленно усмехнулся, наконец, переставая выглядеть таким странным и зловещим. Да уж, он думает, что наркоман не выглядит странно. Кажется, странно в этой ситуации выглядит только сам Йенс. – Но среди моих знакомых – а у меня их охуеть как много – мало кто удостоивался чести поглазеть на Ричардсон вблизи, понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.